

ЕРЕМЕЙ АЯПИН

**В ОЖИДАНИИ
ПЕРВОГО СНЕГА**

Учителю моему
Вере Григорьевне Плесовских
посвящаю
Автор

ЕРЕМЕЙ АИПИН

А 36

**В ОЖИДАНИИ
ПЕРВОГО СНЕГА**

Повести

Перевел с хантыйского автор

Нижневартовск
МУ "БИС"
ИНВ. № 3-139/6-11-КО

Свердловск
Средне-Уральское
книжное издательство
1979

+

В ОЖИДАНИИ ПЕРВОГО СНЕГА

1.

Когда Луна прилетела гусей и уток «растаяла», и под неумолчную песнь талых вод осторожно подкралась светлая Белая Ночь, и охотники, пряча в лабаза старенькие верные дробовики, еще бредили весенней охотой, — таежное селение Ингу-Ягун всколыхнула неожиданная новость. И хотя жители селения давно перестали удивляться всему, что творилось вокруг, эта новость все же поразила их: она превзошла все события последних лет и зим. Когда годов десять назад здесь впервые приземлилась крылатая птица — зовут ее самолетом, — охотники и детвора осмотрели ее со всех сторон, потрогали руками, но отозвались сдержанно: «Неплохая, наверное, птица — тайгу с нес, наверное, хорошо видно». А старики решили, что верховный бог ханты Нум Торум не против этой железной птицы, иначе как бы она ввысь поднялась?

А позапрошлым летом тут появилась другая «птица». По-русски слишком длинно: экс-не-ди-ци-я... Вот старики и сократили. «Птиция» эта землю дыряпит, черную горячую воду ищет, имя которой — Нефть. Ее люди новый поселок себе выстроили совсем недалеко от Ингу-Ягуна. На оленях езды — одна трубка мерка! ¹

Испокон веку славилась таежные жители гостеприимством и радушием, не отворачивались от тех, кто селся рядом: живите, устраивайтесь — тайга большая, зверь-птица есть, рыба в озерах-реках не перевелась. Мы вам не мешаем — вы нам не мешайте. Пусть злые ветры-метели не замстают тропу между

¹ Обычно через каждые двенадцать-восемнадцать километров делается остановка, чтобы олени отдышались и поглотили снег, а каюр раскуривает трубку.

нашими селениями, поживем да начнем ездить друг к другу на чай.

Но на третье лето из дома в дом быстрой белкой поскакала, проворным горностаем шмыгнула весть: молодой охотник Микуль Сигильетов, внук знаменитого медвежатника Кавяхи-ики, от древнего промысла отрекся, свой охотничий инструмент бросил, землю предков — священную землю! — станет дырять. В «птицин», говорят, помощником землебурителя сделался! Где это видано, чтобы охотник землю буравил?! Да еще из такого древнего охотничьего рода!

Селение Ингу-Ягул небольшое, всего три родовых фамилии ханты: Сигильеговы, Казамкины да Сардаковы, да ненцы Айваседа. Все с пеленок знают друг друга. И каждый считает своим долгом принять участие в судьбе другого: коль уж не делом, так хоть словом.

— Микуль, видно, слишком глазастым стал, — ворчали старухи, выделывая шкуры. — Ученье виновато. Целых восемь классов окончил. Вот и пошел искать таксе, на что бы глаза плять, а ведь и глядеть-то не на что: на железо, что ли, с дурным духом?! Вошь лишь от него. И спать-то толком не может, одна ржа: ни человеку, ни жучку какому божьему... Опять же семью бросил — бабка полуслепая, мать да три сестренки. Главным кормильцем семьи после смерти отца была, через это и в армию не взяли, отсрочку дали. Теперь небось и денег не будет посылать. Вот теперь какие молодые, раньше такого не было, нет.

Так и эдак судили ингу-ягуны. Не знали, как быть.

Поверчали старухи, поглядывали и вдруг, словно осенило их, расширили глаза, зашептали:

— Ох, разгнезается всемогущий Нум Торум, накажет ингу-ягунов. Ох-хо-хо! Накажет. Большой

водой. Бесконечным дождем! И ветром свирепым! Гроном, огнем нажмет! Начнется мор на рыб и птиц, на домашних оленей и диких зверей! Ох-хо-хо, не миновать беды!..

Даже старики, обычно суровые и молчаливые, на этот раз забеспокоились и поспешили в дом самого старого и уважаемого в селении деда Кирилы Казапкина. Это он в тридцатые годы организовал в Ингу-Ягуне колхоз и много лет подряд был его первым председателем. Он и сейчас промышлял зверя и птиц капканами и силками, хотя был уже на пенсии. Частенько навещался к нему и управляющий пром-охототделением Иван Филатыч Троянов, советовался, когда лучше и на каких угодьях начать промысел рыбы и зверя, какой ожидается год — урожайный или неурожайный, какая будет вода — большая или малая. Много знал и помнил дед Кирила, умудренный долгими годами жизни, и всегда рад был дать добрый совет.

Пришли дружки-старики, задымили трубками, засокрушались:

— Самышники, Кирила, скоро род охотников совсем переведется: старики помрут, а молодые в птицию сбегут. Тропы охотничьи зарастут травой-кустами. Что такое тайга без охотника?! Уж и грех сказать, что такое! А человек без тайги, а?!

Дед Кирила поперхнулся дымом, потрянул белой, как перо халея, чайки речной, головой, откашлялся и снова засипел трубкой — так ничего и не сказал.

Тут открылась дверь, и вошел Иван Филатыч. Старички накинулись на него, будто нашли главного виновника:

— Ты зачем отпустил его на желсаную работу, Иван Филатыч?!

Тот тяжело, по-стариковски вздохнул, почесал блестящую лысину, сказал:

— Не надо было отпускать — он мне план давал! Но перно мкслит стервец, ежели соседи отыщут нефть, нам туго придется. Такое тут начнется — звериного духа ни одна лайка не учует. Тогда надобно бросать промысловое дело и — в нефтяники. А у нас там уже свои человек! — управляющий хитро сощурился.

— Ну, это еще когда будет! Может, этой черной воды, нефти, тут вовсе и нет — откуда ты знаешь?! Зверя надо в тайге выслеживать, рыбу в реках, в озерах. А черную воду где надо промыслить — кто знает? В каком месте надо землю сверлить — кто знает? Наши мудрые предки даже не ведали, кто живет в Нижнем царстве, кроме умерших. По сей день ни один охотник не видел ее, черную воду, а слухов и сказов шибко много. Напрасно ты, Иван Филатыч, парня не удержал, напрасно!

— Держать — силой не удержишь! — заговорил Иван Филатыч. — Все одно — время летнее, не сезон. Пусть парень поработает, посмотрит там. Думаю, вернется осенью. Ведь в первозимье ой как трудно устоять настоящему охотнику! Сами знаете. Так вот — первозимье вернет его к нам, попомните мое слово, вернет! — Иван Филатыч покосился на старикоп, подумал — кажется, последние слова весомо прозвучали, верят таежники первозимью. Чуть помедлил и, усмехнувшись, добавил: — Вот вернется Микულъ и скажет: есть нефть в Нижнем царстве или нету. Коли есть — так своими глазами увидит, коли нет — так и разговоров не будет.

Покряхтели старики, засомневались:

— ...А разве тайга, охотничьи тропы и первозимье меньшихи чарами обладают?! — продолжил Иван Филатыч. — Дай боже, какая сила у нашей тайги — пройдешь один раз по первой пороше — на всю жизнь запомнишь! На веки вечные заколдует! Я вот сколь-

ко помню, из молодых кто хоть год поохотился, потом уже не уходил на учебу в город. Если сразу после школы не уехал, то потом уже никуда не уедет! Сила такая у тайги!..

— Это верно! — согласились старики. — Большая сила!

А дед Кирила молча слушал и дымил трубкой. Наконец дружки-старички нагнулись и на него:

— Ты-то что думаешь, Кирила? Мы твоего слова еще не слышали!

Дед не спеша вытащил трубку изо рта, повертел ее в руке и лишь затем переспросил:

— Что я думаю?.. Прав, думаю, Иван Филатыч: пусть парень поработает. Дожидем до первого снега, а там видно будет. Так я думаю!

Немало подивились старики его словам, но перечить не стали: ум деда Кирилы ходил верными тропами, никогда не блуждал.

Вечером к тете Анне, матери Микуля, нагрянули гости. Говорила она неторопливо и устало:

— Что я могла сделать?! Не маленький ведь — пот-пот девятнадцать стукнет. Своя голова, свои думы — сам себе хозяин..

Умерла старая Луна, а в селении не стало темнсе — Белая Ночь из бабушкиной сказки стала повластной хозяйкой тайги: светлой таинственной девой парила над реками и озерами, над лесными урочищами и болотами, зорко смотрела, чтобы никто не тревожил птиц на гнездовьях и не пугал зверей, выкармливающих детенышей, чтобы на земле стояли тишина и покой.

Только в Ингу-Ягуне тревога запала в души охотников: когда приходит человек в Белую Ночь — большая радость, а когда уходит..

Поняли жители селения, что в их привычной жизни наступает время больших перемен.

Люди отвоёвали у древнего бора пятючок земли, где расположились, как отбившиеся от стада олени, железные домики — два домика оранжевых, три — голубых и один, на отшибе, — деревянный, некрашеный. Напоминают они парт авыл — нарту-ларь для продуктов, только вместо полозьев два толстых бревна и на них, чуть выше человеческого роста, жилой домик с окошечками и обрубком трубы на крыше. В сторонке навес, крытый не берестой, как у рыбаков, а черной смоленой бумагой — толью. Оттуда идет запах вареного мяса — наварное, там еду готовят. Дальше — большая, в два человеческих роста, белая бочка с круглой крышкой наверху, куда тянется затоптанная лесенка. За ней — Микულъ сразу узнал по картинкам в журналах — грязно-серая громадина буровой вышки. Таежные сосны по пояс ей. Стоит, словно исподинский истукан, опутанный железными прутьями-кандалами, чтобы не убежал от людей. Ворчит и чихает сизым дымком дизелей, притаившихся под напесом. Там, видно, сердце буровой. За вышкой речушка с темной водой и светлыми бережками. И березовая рощица, бегущая к буровой.

Возле вертолетной площадки болотце с чахлыми сосенками. За ним большое озеро с лесистыми островами. Между речушкой и озером сосновый бор с палешиной пятючка, где неожиданно взметнулась к небу вышка.

«Хорошее место, — отметил Микулъ, будто, выбирая место для буровой, геологи думали больше о рыбалке и охоте — Бор, река и озеро — все под рукой». К нему бросилась стая разномастных собак, они словно почуяли в нем охотника: не рычали, а ластись, норовили лизнуть лицо.

— Где тут начальник живет, покажи? — спросил

Микуль у молодого высокого рабочего в замасленной одежде.

— Начальник?! — Парень внимательно оглядел Микуля, неопределенным жестом показал за спину, на восток. — Ты что, оттуда, гражданин?!

В том направлении находилось родное селение, и Микуль утвердительно кивнул: оттуда, оттуда... Из Ингу-Ягуна.

Парень неожиданно громко расхохотался, захопав себя по животу:

— Ну, чудак, ну, насмешил: «Начальник»! Видно, что «оттуда». Главного тут называют не начальником, а мастером! Понял — мас-тер! Вот в том балке живет наш мастер Кузьмич, топай туда прямым курсом! Стой, стой! — вдруг заорал парень, протягивая руку. — На работу, да? Будем знакомы — помощник дизелиста Верезовский!

«Веселый тут народ, железный», — подумал Микуль, ощутив крепкое пожатие рабочей руки. — Так от него машиной и прет, однако смеялся чему — ничему, ничего смешного нет! А домики, значит, и здесь балками называются. Нет, «дом» лучше звучит, теплее, уютнее, а что такое «балок», от «балки», что ли?! А вот «мастер» — хорошо! И на хантыйском языке есть такое слово — это человек талантливый, особенный, нарту делает красивую и удобную, обласок выдолбит легкий, изящный, при нужде сошьет себе малицу и кисы, а зверя выследит в таком урмане, где охотник-«немастер» нипочем не отыщет его следа... Посмотрим, какой у них Кузьмич мастер, наверное, вышка сердитая слушается его».

Микуль поднялся на высокое крыльцо.

Молодой человек, сидевший посреди балка на корточках, резко повернул на скрип двери по-детски румяное лицо с пухлыми щеками и ровным мягким голосом спросил:

— Новенький, что ли? Никак, охотник?

— Да. А вы... мастер? — с сомнением поинтересовался Микуль — уж больно молодо выглядит!

— Ну... Вот иглу выронила, рукав зашить бы надо, — проговорил тот, продолжая шарить рукой по полу.

— Да вот же игла! — помог Микуль, а про себя отметил: «Наверно, стесняется носить очки, а видит неважно».

— А ты глазастый, оказывается! — одобрительно улыбнулся мастер. — Глазастые нам нужны — давай направление. Не работал на буровой?

— Нет.

— Нет — научим, будешь нефть искать. Я, брат, тоже люблю охоту. Так вот... сначала будешь помогать такелажнику. Нужно с вертолетной площадки мешки с глиной перенести к вышке. Иначе пойдет дождь — и все размокнет.

«Кто такой такелажник? — думал Микуль. — Ведь я в этом такелажнике ничего не понимаю».

— А потом день-другой будешь помогать плотнику. Видел, у нас вместо столовой просто навес? Вот его надо обшить тесом, а то комары не дадут житья, в прошлое лето чуть не загрызли, поесть негде будет.

— Я ведь не такелажник! Я бурить хочу! — заволновался Микуль, и тут он немного схитрил, добавив: — И не плотник я, не мастер!

Он всматривался в лицо собеседника и думал, что глаза у того вроде честные, бесхитростные, а сам будто бы хитрит — не хочет допустить новичка до «железной работы», боится, наверное, как бы охотник не натворил чего-нибудь.

— Ты хоть выслушай до конца! — перебил мастер. — На буровой ведь не работал — так осмотреться должен. Сходи на вышку, смотри, что к чему, вни-

кай в суть дела. А потом я тебя в лучшую вахту запишу и не по третьему разряду, а по четвертому — верховым будешь. Обстоятельства так складываются, место освобождается, так-то! Пойдем покажу, где жить будешь.

«Не сильно на мастера-то смаливает! — подумал Микуль, выходя из домика. — Сколько годов нужно, чтобы все «железное дело» узнать?»

— Голубые и оранжевые — это мужские балки, — показывал по дороге Кузьмич. — Деревянный — женский, там лаборантки и тетя Вера, наша «комендантша». Мужчинам путь туда заказан. Кто забывается — тетя Вера так турнет, что навсегда отучит ходить туда.

— Я не такой...

— Все мы, мужики, сначала не такие, а как посидишь безвыездно месяц...

Кузьмич открыл дверь крайнего домика. В полутемном тамбуре железная печка. Вокруг нее сапоги, ботинки и домашние тапочки. На гвоздях грубая брезентовая одежда и оранжевые гладкие шапки вроде чугунных котелков, в которых охотницы жены любят варить мясо — быстро вскипает вода. Двери слева и справа. Кузьмич толкнул левую.

В небольшой комнатке две полки внизу и две наверху.

— Занимай вон верхнюю полку, — сказал мастер. — Внизу тут наш шеф-повар спит. Йора. А на тех дизелях Ракович и помощник его Верезовский... Да что надо будет — приходи, сейчас тетя Вера белье принесет, зайду к ней.

С постельным бельем пришла женщина лет сорока пяти, сухонькая и подвижная и по-девичьи легкая. Светлые вьющиеся волосы собраны пучком на затылке. На лбу и вокруг полинявшей голубизны глаз прочно угнездились морщины. Черты лица

жесткие, суровые, и голос ее прозвучал в маленькой комнатке неожиданно резко и властно:

— Чтоб не лез в комнату в грязной спецовке, чтоб окурки и спички не бросал на пол. Белье меняю ровно через две недели... как всем. В чью вахту записали?

— Пока никуда...

— Значит, к Алексею Ивановичу, раз сюда поселили. Повезло — добрый он бурильщик! — При этом лицо ее посветлело.

На Микулю посыпались вопросы: кто? откуда? женат ли? кто родители? Потом, как бы извиняясь, тетя Вера пояснила:

— Я, считай, тоже местная, жила в Ингу-Ягуне.

— Всех я там знаю, но вас не помню — где вы работали? — заинтересовался Микуль.

Лицо тети Веры стало вдруг строгим и холодным. Помолчав, она нехотя ответила:

— При колхозе... Кассиром. Тебя еще не было, давно это было, давно... — И медленно, словно с тяжелой ношей, вышла на улицу.

«Что-то много я болтаю...» подумал Микуль. — Обидел человека — это плохое начало. В тайге удачливей начинал всякий сезон...»

Но выйдя на улицу, он забыл про свою досаду: так ему не терпелось после стольких рассказов увидеть все самому: недаром в родном селе-нии называли его Глазастым. Осторожно поднялся на скользкий от глинистого раствора «пол» вышки — мостками называют. В уши ударила недовольный рокот дизелей: они будто залились на новичка. Никогда не слышал охотник такого неприятного шума.

Вышка четырьмя железными ногами, уходящими под деревянный «пол», вросла в землю. Здесь, когда стоишь на «полу», вышка напоминает очень высокий охотничий чум, только основание не круглое, а квад-

ратное. На середине, где должен быть таганок — металлическое возвышение, — ротор с дырой в центре, где стальные длинные зубы зажали трубу. Сверху на толстых проволоочных веревках опустилась небольшая железная загогулина с вьемкой и болтающейся на шарнире «челюстью».

Подскочил паренек, захватил элеватор-загогулину чуть ниже утолщения на конце трубы и резко захлопнул челюсть-крышку. Стоявший у столика с разными рычажками усатый бурильщик, еще не старый, но, кажется, самый главный в смене, нажал на педаль под столиком — «зубы» разжались. Надавил на длинную железную рукоятку — в два человеческих обхвата барабан, стоявший между двумя ногами, выплевывая искры, стал наматывать на себя проволоочную веревку. Варевели дизели, вздрогнул пол — и элеватор-загогулина, все увеличивая скорость, потянул трубу вверх. Когда она остановилась, бурильщик, словно волшебник, нажал на какую-то кнопку — сердито фыркнув, выскочили «калечи»¹, обхватили трубу и, вращая, отвинтили ее. Теперь паренек подскочил с крючком, оттянул свободный конец трубы в угол. Наверху кто-то невидимый освободил ее от элеватора, и она замерла внутри «чума», будто поставили ее отдыхать. Пошла следующая труба.

Все это Микულъ уловил в несколько мгновений: у охотников развита зрительная память, нет у них и записных книжек — все, что увидел и услышал, надо запомнить.

«Ловко работают!» — только успел подумать Микулъ, как к нему подбежал молодой рабочий и заорал в самое ухо:

— Уйди! Зашибет!

¹ Пневматический камоч буровой.

На Микуля ползла бледно-рыжая от злости труба, видно, шибко сердится на охотника за то, что тот дорогу не дает. Он быстро отскочил. Но тут же бурильщик стал делать ему какие-то знаки. Оглянувшись в белом, как запорошенная лунка на льду, круге беспокойно пританцовывала черная, с острым накопчиком стрела. Луки с такими стрелами настояжируют на выдр. Здесь она что-то говорит бурильщику, а он, Микуль, закрыл ее своей головой. Потом еще кто-то попросил посторониться. Куда ни сунься — всюду не на месте.

В этом царстве враждебно ревуших машин, равнодушно мертвых труб, стальных канатов, в бесконечном звоне и скрежете железа привычно, по-хозяйски сновали чумаые парни в перепачканных робах и резиновых сапогах.

Появилась мысль: «В тайге-то лучше: чисто, спокойно и тихо. Ни грязь тебе, ни мазута, ни грохота.»

Три года назад шестнадцатилетним мальчишкой Микуль начал промыслять зверя. Год был суровый, неурожайный на зверя-птицу. Тогда он преследовал лису с капканом. Жгучий петер выжимал слезу. Казалось, вон за тем кустиком или бугорком должна показаться обессиленная лиса, но ее все не было. Хотелось вот так же плюнуть на все и убежать домой. Но там уже нет отца — его, Микуля, ждут с добычей. Глотая слезы, он шел по следу.

«Тогда,— думал Микуль,— я не повернул назад, не отступил, а ведь было всего шестнадцать лет. Конечно, начало всегда нелегкое». Вот и сейчас мир вокруг кажется таким же скользко-зыбким и неустойчивым, как эти мостки, вот-вот свалялись. Но падать он, Микуль, не привык — он охотник из старинного промыслового рода. По шатким деревянным ступеням Микуль полез на вышку.

«Прав Кузьмич, с наскоку этого истукана не возьмешь, сверху мешать некому, надо сначала осмотреться как следует».

На середине вышки, на площадке, обшитой со всех сторон тесом, помбур отмыкал крышку элеватора и ставил трубы в угол. Микулю понравилось, как он ловко, играючи управлял тяжелыми трубами и те покорно, одна к одной, становились на отдых.

Чем выше он поднимался, тем невесомее, казалось, становилось тело. Одинаково он любил небо и тайгу. Если бы он пошел в армию, то попросился бы в летную часть. Но и тайгу он не мог не любить. Она была для него как родная мать. И вот он, Микуль, сын Неба и Тайги, уже на «седьмом небе». Ему сказали, что так называется самая верхняя площадка буровой. Хотя высота не ахти какая, сорок метров, но тайга как на ладони — залитая плавленым золотом солнца и небесной синевой; одинокие сопки, с горделиво взметнувшимися ввысь карликовыми пирами елей и кедров, светло-синие чаши озер, где разбредшимся стадом белых оленей паслись березки; ярко-рыжие болота, пугливыми лисами убегающие от буровой.

На горизонте все терялось в голубом легком мареве.

В углу, облокотившись на перила, стояла девушка. Ветер играл ее темными волосами, как озерной водой. Невысокая, стройная, она похожа на хантыйскую девушку, только глаза огромные и голубые.

Девушка не замечала его. От этого Микуль растерялся, не зная, что делать, — то ли уйти, то ли остаться.

Тут она отвела со лба невесомую прядь волос, удивленно вскинула длинные черные брови, но спросила без всякого интереса:

— Новенький?

— Но-венький,— выдавил Микуль и не узнал своего голоса.

— На заработки? — она в упор посмотрела на него и, насмешливо сощурившись, ждала, соврет или нет.

— И на заработки,— пробормотал Микуль.— Заработать тоже надо...

— Через месяц-другой сбежишь! — все тем же равнодушным голосом вынесла она свой приговор.— Комары заседают, потом холода пойдут. Всякие тут бывали...

— Комары? Мороз? — Микуль улыбнулся, и робость его прошла.— А балки для чего? На охоте, бывало, под кустом спишь и то как дома...

— Охотник?

— И охотник, раз в тайге родился. А теперь вот с вами...

— Значит, первый? Настоящий ханты-охотник?! — Девушка внимательно взглянула на неуклюжего конопатого парня с темным обветренным лицом.

Но Микуль пошел было вниз: к чему пустые разговоры? На охоте по целым суткам не разговариваешь, привыкаешь к молчанию. Однако надо было еще познакомиться — девушку звали Надей.

Внизу слезил под мостки, осмотрел зацементированное устье скважины. Основание вышки добротное, крепкое, словно эта машина пустила корни в таежную землю на сотни лет и дерзко рычит дилемиями дни и ночи.

Заинтересовался мутной буровой водой: откуда и куда бежит по желобкам?

Тут на помощь пришла Надя, которая как раз пробежала мимо. Она объяснила, что раствор вытаскивает из скважины измельченную долотом породу. А она, лаборантка, во время бурения следит за раствором: с помощью специальных приборов опреде-

ляет удельный вес, водоотдачу, вязкость. Без раствора невозможно бурить. Все она рассказывала толково и просто. Микуль уже коснулся на нее с уважением, думал: «Хоть и женщина, а понимает... Раствор, значит, кровь буровой, не может она жить без крови». После встречи с Надей он убедился, что буровую просто так не оставишь. Надя, сама того не ведая, своим презрительным «сбежишь» отрезала путь к отступлению. «Посмотрим, кто первый уедет!» — бормотал Микуль.

— Ты, Сигальетов, как инспектор какой, — добродушно ворчал мастер Кузьмич. — Сразу все хочешь узнать.

— Тот охотник удачлив, кто хорошо знает тайгу, — отозвался Микуль. — Думаю, на буровой так же: лицо и поведение вышки должен знать, чтобы удача пришла.

— Учиться тебе надо, в нефтяной бы техникум — тайга никуда не уйдет!

Микуль решил пообедать. В столовой под брезентовым навесом, где стояли длинный стол без ска-терти и электрическая плита, каморка-склад для продуктов и холодильник, хозяйничал парень лет двенадцати пяти, по-южному смуглый, со смолисто-черной шевелюрой, проволоочно-жесткой и неопрятной.

— Что будем есть? — спросил повар, едва кивнув. — Накормлю, как в лучших ресторанах! Это тебе Жора говорит! — бормотал он, гремя кастрюлями. — В хороших ресторанах работал когда-то!

Под навесом никого не было, Жора явно скучал. И теперь был рад случаю поболтать с новеньким.

— Зачем бросил? — машинально спросил Микуль, думая о своем.

— Зачем все бросили дом, приехали сюда, знаешь? Вот затем и я приехал! И ты, и я. Все!

— Строить приехали все, нефть искать,— простодушно стал объяснять Микуль, вспоминая уроки ингу-ягуинского учителя Александра Анатольевича.— Я знаю в лесу всех зверей и птиц, а вот нефти ни разу не видел! Всякому охотнику интересно узнать, какой такой зверь есть — нефть!

— «Строить», «нефть»! — презрительно протянул Жора.— Я приехал — тут совсем не выгодно, одни комары! Думаешь, я строил, нефть искал?! Я с комаром воевал прошлое лето! Вот погоди — скоро их совсем много будет, в уборную не дают сходить! Разве жизнь это, а?

— Комары здесь недолго будут, самое большое — месяц, потом их мало будет,— сказал Микуль.— Тут как болота просохнут — комару конец. Это на больших реках, где нет болот, они долго живут, рано появляются и поздно исчезают. В старину, в комариное время, нарочно в болота уезжали, пережидали там.

— К черту, домой поеду! Море, Одесса, женщины — эх, совсем немного осталось! А здесь работа тяжелая, помощник в отпуске. А людей сколько? Четыре вахты по шесть человек, потом три лаборантки, тракторист, сварщик, уборщица. Да еще мастер, его помощник и механик! Тридцать три человека в бригаде, и все бегут: «Жора, корми!», «Жора, волком есть хочу!». Жора раньше всех встает, позже всех ложится. Комары, скука, невыгодная жизнь! Поживешь и сам убежишь! И женщин нет, а была у меня выгодная женщина! — Жора аж зажмурился от удовольствия.

«Выгодно» было его любимым словечком, остальные слова выговаривал чисто. Но когда очень волновался, в его говоре слышался южный акцент. Дюжего помбура Гришу Резника считал «выгодным мужиком» — давал выручку, ел за двоих. И работал

соответственно. А вот помазок Версаевский «невигодный». Тощий, высокий, он не любил засиживаться у Жоры.

— А что это — помазок? — спросил Микуль.

— Помазок? Дерьмо работа — это кто дизеля подмазывает. Помогает дизелисту! — пренебрежительно фыркнул Жора. — Скоро все узнаешь!

— Ну, Микуль, если хочешь ладить с Жорой, напорочивай побольше — все будет в порядке! — усмехнулся про себя охотник, вполслуха слушая Жорину болтовню.

Но есть не хотелось: мясо было, видимо, баночное — несвежее и совсем безвкусное, мясом не пахнет. Подлива оказалась горькой, с тошнотворным запахом пережаренного лука. А пермишель так вовсе напоминала траву, которую едят только гуси. И чай без аромата, железом отдает — речная вода и та вкуснее.

— Слушай, друг, а шапку ондатровую или выдру можно найти, ты охотник? — понизил голос Жора.

— Ты же домой хочешь ехать, зачем тебе зимняя шапка? Я слышал, там жаркое море, где Одесса. Не зря же туда перелетные птицы идут, за теплом они идут.

— Там тоже зима есть, и холод есть.

— Какая же зима, если вода не замерзает? Птицы где плавают? Или еще дальше летят?

— Может, и летят, не знаю. Но ведь хорошая вещь везде ценится!

Уходя, Микуль решил успокоить Жору:

— Комаров в этом году немного будет — вода маленькая. Потерпи до осени, на охоту вместе сходим!..

Солнце назад смотрело — уже скрылось за лесом, а на верхушках сосен все еще играли грустные оранжевые лучи.

«Завтра будет ясный день»,—машинально, по охотничьей привычке отметил Микуль. Хотя сегодня он ничего не делал, но железный грохот вышки вдавливал его в землю: голова болела, и отчего-то ныли плечи, а в нос бил нетаежный дух буровой.

3.

Мастер Кузьмич после обычного вечернего обхода буровой, убедившись, что все в порядке, вернулся в свой балак. Шло бурение. У пульта самый опытный бурильщик Алексей Иванович, за него ничего беспокоиться. В ноль часов смена вахт, заступает молодой бурильщик, вот за тем еще нужен глаз да глаз. Надо будет посмотреть, как он там. А сейчас можно и подремать до двенадцати, соображал Кузьмич, время еще есть. Только он прилег на полку, как дверь распахнулась и на пороге бесшумно вырос новый помбур Сигильетов, весь какой-то взволнованный. Увидев его взволнованное и бледное лицо, Кузьмич понял — что-то случилось. Но не успел раскрыть рот.

— Зачем его убили! Зачем?! — прошептал Микуль, опередив вопрос мастера. — Зачем убили?! Он столько лет прожил!..

— Кого убили?! — пскочил Кузьмич. — Кто убил?! Авария?! —

— Старика! Он столько лет...

— Какого старика? Где, кто?! —

— Где — на буровой! —

— Кого убили, говори толком! — крикнул Кузьмич, увлекая Микуля к выходу.

— «Кого», «кого» — сказал: Старика! Унцых-ники!

— Унцых?! — поперхнулся Кузьмич. — У нас нет таких! Что ты чепуху несешь?! —

— Стариком я дерево называю, — попытался рас-

толковать Микуль.— Унцых — сосна, дерево! Он, Старик, ики, двести лет прожил!..

— Вон что! — облегченно вздохнул Кузьмич.— Ну, с тобой, Сигильетов, не соскучишься! Нет, не соскучишься! А до кондрашки запросто доведешь! Кондрашка запросто хватит!..

Кузьмич достал «бедоморину», чиркнул спичкой и так затынулся, что сразу полпапиросы превратилось в пепел. Потом он бросил окурок, кивнул Микулью на открытую дверь балка — мол, заходи. Закрыл дверь, чтобы комары не летели на свет, опустился на полку и устало попросил:

— Расскажи все по порядку про Старика, который двести лет прожил...

Микуль сел на жесткую деревянную табуретку, помолчал, к чему-то прислушиваясь, потом потрянул головой и начал свой рассказ.

...Вечером Микуля, одуревшего от грохота и крепкого духа буровой, потянуло в тихий сосновый бор — отдышаться и прийти в себя. Но его остановил завал, да еще какой завал! В жизни таких завалов в тайге он не видел! Озадаченно топтался возле огромного, в два обхвата, пня Унцых-ики. Большой и тяжелый пень бульдозер вырвал с ногами-корнями из земли и приволок к высокому завалу из покореженных и расщепленных тел сосен. Приволок, да, видно, не сумел закинуть наверх, сил не хватило. Вот и оставил тут, чуть вдавив в завал. Все тело Старика, разрезанное на куски, белыми ссадинами выглядывало из нагромождения сучьев, стволов и оранжево-темных корневищ. Сосны, что помоложе, вырваны с корнями, и машина вместе с ягелем сгребла их и присыпала песком. Потом бульдозер еще не раз проехал по площадке, собирая обломки сучьев, основную хвою и кору.

После сражения с сосновым бором буровая от-

городилась от всего мира этим завалом. Только вертолет свободно садился сюда.

Микуль смахнул песок и куски ягеля с неровного спила на пне, видно, пилили бензопилой с четырех сторон. Напомнил он стол, за которым свободно уместилась бы семья из четырех-пяти человек. Микуль наклонился и начал считать годовые кольца на пне. Досчитал до ста и остановился — прикинул, сосна прожила более двухсот лет. Два века! А гляди-ка, даже сердцевина еще живая: ни дупла, ни трухи. Вот так Ундых-ики! Мелехо столько не выдержит. А тело у Старика белое, словно впитал весь солнечный свет за два столетия. Яея!¹ крупная, с золотисто-смоляными ободками. Всем соснам сосна! Хороший бы обласок-долбенка получился, если кедра или осины под рукой нет.

И кора у Старика светлая, почти белая, как береста, — не под одним дождем и снегом встояла. А сколько белок лакомилось семенами его шишек! Сколько нужно сил, жизнелюбия и доброты, чтобы прожить столько лет и остаться таким светлым и чистым! Два столетия стоял, а не изьял даже червь древесный.

Микуль на борах не раз встречал таких долгожителей и всегда с удивлением рассматривал могучий ствол и крепкие ветви с золотисто-желтой чешуей. На макушке обычно гнездились орел или другая крупная птица. Земля под кроной усыяна старыми шишками. И каждый раз останавливался перед мудрым Стариком. Остановится и послушает его тихий голос, который невозможно спутать с другими звуками тайги. И по той давней привычке Микуль

¹ Яеяй на дереве ханты называют расстояние между годовыми кольцами, которые смотрят при выборе лесины на обласок.

выпрямился и прислушался. Сначала он слышал только сердитый рокот буровой, затем в рокот вплесясь едва слышный стон убитой сосны. Чем больше Миккуль напрягал слух, тем явственнее становился стон. Теперь сюда валился глухой многоголосый плач всех убитых и покаленных сосен, старых и молодых.

Тут Миккуль почувствовал, как сосновые иглы калеными стрелами впились в сердце... Он медленно попятился, затем повернулся и помчался в домик мастера Кузьмича.

...Замолчал Миккуль, опустил голову, подумал: если Кузьмич не слышит этот стон, то не поймет его и, чего доброго, на смех поднимет. И он упрямо, исподлобья глянул на мастера, но лицо Кузьмича было усталым и серьезным. Оба молчали, прислушиваясь к шумам буровой.

— Да, с тобой не соскучишься, — повторил наконец Кузьмич. — Задал задачку!

— Что задача? — откликнулся Миккуль. — Лучше скажи — зачем Старика напрасно убили!

— Да не убили, а спилили, срубили — точнее будет.

— Нет, убили! — упрямо повторил Миккуль. — Рубят, когда человеку надо дом строить или слопы-ловушки на бору насторожить. Тогда рубят. А тут убили просто так и выбросили. Разве в тайге можно так делать?!

— А буровую куда поставишь без площадки? Вышке требуется чистое место.

— Зачем такая большая площадка? Тут еще таких четыре великана можно поставить! Смотри — какой бор! — воскликнул Миккуль. — Золотой бор! Тут сколько сосен с шишками, ягеля, сколько грибов и брусники будет! Тут в хороший год за день тридцать-сорок белок возьмешь! А хороший охотник и пятьдесят возьмет! Сосну убиваешь, где белка будет

шишковать?! Сейчас Старик стонет, а зимой белка будет стонать!

— Тут инструкция, все предусмотрено. Например, вдруг случится пожар на буровой, близко лес — загорится. Поэтому лучше лишний десяток сосен сгубить, но зато бор будет в безопасности, понимаешь?! — Кузьмич пристально посмотрел на Микуля, словно хотел убедиться, понял ли новый помбур. Но, уловив в глазах собеседника неподдельное огорчение и убедившись, что тот и вправду слышит стон сосны, тихо спросил:

— Очень жаль... сосну-то?

— Жалко все-таки, — в тон ему ответил Микуля и, увидев озабоченное лицо мастера, вдруг понял: тот убитую сосну тоже жалеет. И он почувствовал в мастере почти единомышленника, во всяком случае человека, который понимает или пытается понять его, Микуля, только что пришедшего с таежной охотничьей тропы, живущего еще думами и заботами о тайге.

И, словно угадав его мысли, Кузьмич стал припоминать свое детство, послевоенные годы, когда многое держалось исключительно на дровах, на тайге: и отопление городов и сел, и пароходы по Иртышу и Оби..

Микуля сразу понял, к чему клонит мастер: сегодня буровая одну сосну убьет, завтра — тысячу спасет, она пришла на помощь тайге. Все это Микуля знал и принимал разумом, но все равно сердцу было больно.

— На буровую ты не имеешь зла, — закончил Кузьмич. — Это хорошо.

— Если бы держал зло, не пришел бы сюда, — откликнулся Микуля. — А сосну...

— Хорошее дерево — сосна! — перебил Кузьмич. — Я тоже люблю сосновые леса. Может быть,

еще и оттого, что фамилия моя от сосны идет — Соснинский. Не будешь ведь плохо относиться к дереву, которое дало тебе фамилию.

— Значит, ты из рода сосны! — обрадовался Микულъ, словно встретил старого друга, пояснил: — Значит, твоим предкам когда-то в старину очень помогла сосна. Может, беду отвела, может, в неурожайный год от голодной смерти спасла. Легенду не помнишь, почему род от сосны пошел?

— Нет, не помню. В незапамятные времена прапрадед из Вологодчины попал сюда, затем таежником стал.

— Из одной земли мы, — проговорил Микулъ.

— Да, выходит, земляки, — уточнил Кузьмич, взглянул на часы и закурил.

Тут Микулъ сообразил, что, наверное, уже поздно и мастер хочет спать. Он быстро поднялся и шагнул к двери.

Вышел из балка мастера с легким сердцем, будто поговорил с давнишним знакомым, с которым жил душа в душу. Хотел поругаться за погибшего Старика, а получилось совсем наоборот. Видно, чует Кузьмич, что у другого на уме, соображал Микулъ, иначе не затеял бы такой разговор. Чудной мастер — ведь мог бы сказать: не мешай, приходи в другой раз. А не сказал. Хорошо, если он дела свои на завтра не откладывает, хорошо!

Микулъ никогда не делал поспешных выводов, этому учили и дед, и отец, потому что это одна из главных заповедей настоящего охотника. Но сейчас подумалось, что мастер похож на редкого оленя-вожака, который в любую непогоду отыщет дорогу и приведет к жилию, не свернет в сторону и не будет петлять. Он тянет нарту с человеком, тянет упряжку усталых оленей и бежит до последнего вдоха, пока не свалится замертво. Другим оленям ходить с ним

в одной упряжке трудно... Может быть, мастер из таких вожаков?

Остановился Микуль в задумчивости: сквозь глухой рокот буровой он все еще слышал стон погибшей сосны. Постоял и решил успокоить Старика, поговорить с ним: «Унцых-ики, нунг мары алынгки вулын. Ар хата кот пумын нокнам анымто, ар пумынг юм самын ингкат еньло, арпыкт юхит — помытны лилат мые. Нок анымта муцы, ар ехлины потато — энты паво, ар лоньсь — явыгк вуин — мыл энты путо, тарым вотны паны наинг пайны ири мыно.

Нунг мары яха мосмин вулын. Нухланын лукт тухрексыт, нунг пела лангкит анымысыт. Нунг охпытахе тыхианы энты ий-кат курык мок нок анымтын, энты ий-кат поры морты воих нунг нухланын иньчит. Нунг пырена кичлыт нявремла паны мокмокла. Лых ий мыта коны кер ная энты пондат, чу мавылат буровой ях кинцы газ кернам мыла. Нефть паны газ там, юхит-помыт лахилата рангиплыхи. Яхим волт, яхим ит кулха алынг. Нунг, Унцых-ики, атым номыс ал тоя. Нунг мары там яхимны люлин, пырс вусын, пырена ар им вар кийн. Нунг энты имнам алынгки вулын, энты имнам...»¹.

¹ Старик, ты долго на этом свете жила. Немало солнц тебе свое тепло дарили и тянули высь, немало дождей тебя своей теплой водой и полили и увлажнили, немало деревьев и трав тебя своими соками вскормили. Пока ты рос, много морозов тебя морозили — не заморозилась, много снегов на тебя падало — ты не стал сосулькой ледяной, много громов и ветров ты видел — не тронули тебя.

Ты была нужна жизни. Твоя хвоя глухарей угощала, твои шишки белок растрепали. Гнездо на твоей вершине не один выводок орлов грело, на ветвях твоих не одна стая перелетных птиц отдыхала. После тебя твои дети и внуки остались, но они в пещке уже не умрут, вместо них газ будет гореть, что ищут люди буровой. Нефть и газ пришли на помощь деревьям и травам. Ты, Старик, в уме плоское не держи на

Микуль был уверен, что Старик поймет его, а раз поймет, то и беспокоиться напрасно не станет. Он еще постоял немного и медленно поплелся в свой домик, похожий на парт аял,— хотелось спать.

4.

Ночью Микуль долго ворочался на жестком матраце — сон, словно осторожный пугливый варты сос¹, не шел к нему. Отяжелела голова, будто свинцом заали ее. Нос, глаза и уши просились в тайгу, в тишину, где нет монотонного до одурения шума буровой. Там ветер разговаривает, дождь поет, тайга плачет или смеется. Их говор доступен человеку, они всегда предупреждают об опасности. А здесь машины не дают даже вздремнуть. Микуль перевернулся на другой бок, но сон оранжевым колонком убежал в сторону родного Ингу-Ягуна и звал за собой.

Да, в роду Сигильетовых не знали буровых, но хорошо понимали язык тайги. Так стоило ли ради буровой оставлять дедовский промысел, проторенную охотничью тропу? До него, Микуля, ни один ханты не уходил на буровую!

Микуль вздрогнул: так заскрежетало на вышке, что задребезжали стекла на окнах. Но соседи в домике даже не проснулись, и охотник успокоился: наверное, так и должно быть.

И мысль убежала, испугалась тоже... Может быть, виноват школьный учитель Александр Анатольевич? Вот он... Неторопливо входит в класс и, вышагивая на длинных журавлиных ногах, медленно протирает очки, надевает их. И когда на мгновение

нас. Ты оставил на земле много добра, ты не напрасно жил, не напрасно (хант.).

¹ Варты сос — колонок (хант.).

замирает перед классом, его старческое морщинистое лицо становится добрым и привлекательным. Вот он подходит к стене и начинает перекраивать небольшую физическую карту области: тасжные урманы разрезает трасса железной дороги, стрелами вклиниваются в болото нефтепроводы, через реки перешигивают мосты, в непроходимых дебрях рождаются новые города. Послушаешь — сказка да и только!..

Внизу на каком-то непонятном наречии забормотал Жора. Поворочался и так захрапел, что заглушил стон погибшей сосны.

...Говорил учитель, словно горел неожиданно вспыхнувшим костром, после которого не остается головешек — остаются угли, малиново-жаркие и долгие. Лицо учителя — помолодевшее, взгляд устремлен куда-то далеко-далеко. В эту минуту он необыкновенно красив: красота его скрывалась в глазах и теперь хлынула оттуда родником... Хорошо говорил учитель — ничего не скажешь! Только его рассказы оставляли в душе какую-то смутную тревогу. Вроде бы радость должна рождаться, а тут беспокойство одно. Отчего бы это, а?!

Время все бежало, бежало, не зная остановок. И до тихого Ингу-Ягуна дошли отзвуки большой стройки, а затем появились и геологи. Исподволь, незаметно подкралась мысль: отчего коренные ханты, как и встарь, продолжают жить только охотой и рыбалкой? Отчего они остались в стороне от больших дел? Ведь главное — то будущее, которое делают геологи! Взяла обида, что ханты, хозяин этой земли, оторван от главного! Где же руки охотника, привычные ко всякому труду?..

В затынутое марлей окошечко стал вползать смрад женной резины и перекаленного железа — на вышке что-то жгли. Микуль закашлялся. А соседи, на зависть ему, сладко посапывали.

Да, нелегко оторваться от проторенной предками за многие столетия охотничьей тропы. Нелегко, если ты всю жизнь дышал лучшим на земле воздухом, настоящим на аромате хвои, пил чистейшую и прозрачайшую воду таежных родников, по утрам ловил самые щедрые и теплые лучи восходящего солнца, плавал по лесному озеру, куда упало голубейшее в мире небо — нет голубее того неба!.. И все это он променял на буровую, которая напоминает Маньки — страшного богатыря-людоеда, друга русской Бабы-Яги: и глаза есть — моргают в светлом сумраке Белой Ночи равнодушными фонарями, из закопченных труб-ноздрей вырывается крепчайший смрад, грязными лохмотьями черной бумаги сползает на песок борода-навес, а ненасытная пасть, оскалив ротором губы, глотает бесконечную кишку труб, и сотни нестерпимой глинистой воды спинает ему лаборантка Надя. От его издохов дрожит земля. И железные арканы вздрагивают от напряжения: ими Маньки-ики притянут к поляне; медведь-шатуном рычит, на свободу рвется.

В соседнем домике хлопнула дверь — кто-то вышел до ветру.

А если вырвется и люди не смогут с ним совладать, что тогда будет?! Железо не дерево, не знаешь, с какого боку подойти: то греет, то холодит, то кусает. Помнится, в детстве увидел на отцовской упряжке круглую блестящую бляху, такую красивую, что захотелось попробовать на вкус: лизнул — и на холодном металле осталась кожа языка. Это надолго отбило любопытство к железу. Теперь вот надо привыкать к работе на буровой. А хватит ли терпения? Не укусит ли железо, как в детстве укусило за язык?! Не рано ли подался из родного селения?

Может быть, слишком понадеялся на то, что

здесь пройдет то «нефтяное» беспокойство, которое не давало покоя на охоте. А как тут ужиться рядом охотнику и буровику: одному нужны первозданная свежесть и тишина таежного бора, а другому — черная вода земли, которую зовут «нефть». А на что она сейчас охотнику, эта нефть?!

Возможно, жил бы сейчас Микуль в своем Ингу-Ягуне, не случись беды со старым учителем Александром Анатольевичем.

В тот день, в начале Вориги-тыльсы — Месяца Вороны, вернувшись на промысла, Микуль узнал: тяжело заболел учитель. Все повторяли малопонятное слово «прободение». Микуль не поверил: в его сознании вечными и неизменными были в мире тайга, Ингу-Ягун, старенькая школа и седой учитель с посошком. За всю жизнь не видел Микуль ничего дороже и милее сердцу, не считая родных... Учитель лежал на постели голубоватым, умирающим апрельским снегом. Вошел сельский фельдшер, бывший его ученик, и тихим голосом сообщил, что геологи дают вертолет и его, учителя, отправляют в больницу — время еще есть. Старик пошевелил пересохшими губами, потом внятно, как на уроке, повторил: «Геологи... не дождался... геолога...» Лицо его покрылось испариной, и глаза выплеснули мучительную, тоскливую боль, которая стала вливаться в Микуля: ему показалось, что учителю больно не от «прободения», а от того, что вот «учил-учил нефти» — и никого не выучил, не задел за живое. Ученики его становились хорошими охотниками, есть врачи и учителя, один стал даже журналистом, а вот никто не хочет стать нефтяным человеком. А они так нужны сегодня этой земле!

Микуль решил твердо посмотреть, кто они — буровики и геологи?

В начале Луны Нереста ночи светлы и коротки.

Миклуль почувствовал, как луч солнца ударил в стену тесного дощатого домика, «балка» на языке буровиков. Солнце уже проснулось, встали, наверное, и птицы — не слышно их, шум машин съедает их песню. Как хорошо проспать по утрам от птичьих голосов! Проснешься и лежишь с закрытыми глазами, узнаешь, какими голосами какие птицы поют. Если ты родился в лесу и у тебя хороший слух, ты всегда поймешь птиц и определишь, какая сегодня будет погода: ожидается дождь или снегопад, будет ветер или тишь, ясно или пасмурно. Настоящему охотнику птицы подскажут, чем ему заняться, по следу какого зверя пойти, где ждет его удача. Только надо чувствовать тайгу так, как чувствуешь свое тело.

На вышке глухо застонала труба — кто-то бухал по ней тяжелым молотом, который зовется здесь кувалдой. Эхо отзывалось на живых боровых соснах, налитых тугой пахучей смолой. Стон убитых деревьев растворился в этом грохоте.

А если немой рокот буровой отнимет главное богатство охотника — острый слух, машинный чад — обоняние, пыль — зоркость глаз? Как быть тогда? Охотник без ушей и глаз — не охотник. Плохо, однако, дело: кто знает, станешь ли настоящим буровиком? И каким чутьем они, разведчики, ищут нефть? Неужели только с помощью машин? Может, как у охотника, у них тоже есть особый нюх? Как постичь тайну их «железной работы»? И по плечу ли это ему, Миклулю?

Вдруг все-таки буровая убьет в тебе охотника? Но почему же верх должна взять буровая? Быть может, охотник победит ее? Ведь она живет на таежной земле, значит, является частью тайги. А тайга всегда подчинялась охотнику. Служаешь же вышка буровиков. Почему она не должна слушаться хозяина тайги — охотника? Нет, нет, надо научиться «желез-

ному делу», чтобы уметь управлять вышкой и остаться хозяином этой земли.

В домике стало как днем — солнце зашло в полог Микуля... Не помнит он бессонных ночей: в лесу, бывало, голова до подушки не доходила, как засыпал. А тут мычат-пыхтят машины, тревожат, отгоняют пушистого теплого колонка, носителя сна. Когда же пугливый зверек привыкнет к шуму и подружится с гигантом — вышкой?

5.

Надя Васильева любила буровую во все времена года: весной, когда под ласковыми лучами солнца добродушно и мягко ворчали дизели; и в божественные белые ночи, когда комариная армия перекрывала шум машин и бесшабашные помбуры пускали соленые шуточки в адрес дьявола и самого бога; и в хмурые осенние рассветы, когда березы и осины острожно облеивали каждый кусок ржавого железа листком-конвертом золотистого пурпурного цвета с рифлеными краями. Но особенно любила буровую зимой, когда вышка замирает в снегах, словно волшебный сказочный богатырь, — в сосульках, в куржаке, в необыкновенно тонких узорах, в облаках белого пара — будто хочет согреть промерзшую тайгу своим дыханием.

Надя часто спрашивала себя: отчего ей больше по душе зимняя буровая? Ведь самое тяжелое время для нефтеразведчиков — январские морозы, когда густеет глинистый раствор, промерзают насквозь все механизмы и буровики начинают говорить низкими сильными голосами. Отчего эта трудная пора приносит какое-то необъяснимое удовлетворение, чувство полноты жизни? Может быть, оттого, что зимой остаются здесь самые яростные и преданные разведке

люди, что морозы отвергают всех временных, случайных? Потом, когда проработала на буровой год и поступила на заочный факультет индустриального института, вдруг почувствовала, что ее, как, наверное, и многих других, увлекла не столько красота Севера с его седыми зимами, сумасшедшими белыми ночами и осенними кроваво-красными сполохами вполюбеба, а в большей степени ритм жизни этого таежного края.

Все здесь менялось даже не за одну человеческую жизнь — менялось на глазах. Где еще увидишь такое?! И люди здесь все на глазах: сразу видно, чем дышит человек, потому что в этом суровом краю слово с делом не расходится. За год в бригаде побывало немало людей: одни долго не задерживались, другие оставались навсегда. Надя считала, что насквозь видит всех, кто приезжал на буровую. И нового помбура Микуля, скуластого невысокого крепыша с лихорадочным блеском глаз, она сначала приняла за обыкновенного «летуна», которого интересуют только рубли. Но, присмотревшись, поняла, что глаза его горят от жадности к жизни, ко всему новому...

Вспомнилось, как сама первый раз увидела буровую. Это было три года назад: на зимние каникулы приехала из города в отдаленную нефтеразведочную экспедицию, где начальником геологического отдела работала тетя. По вечерам приходили молодые геологи, и почти всегда разгорались жаркие споры о перспективах края, о новых месторождениях и о многом другом. Надя с интересом всматривалась в возбужденные задорные лица, старалась по интонации голоса постигнуть суть вопроса и узнать, кто прав, кто не прав. Но все-таки многое не понимала — нужны были знания. Именно тогда она с удивлением обнаружила, что у всех геологов одна причуда —

одержимость, какая-то несобъяснимая приверженность к своему делу. И когда тетя собралась в командировку, напросилась и она посмотреть буровую. В иллюминаторе снега и леса, снега и озера, снега и болота, снега и реки, снега и снега. И ни единой живой души — глушь и дичь! И вдруг струей белого дыма рванулась навстречу вертолету вышка, легкая, невесомая в морозном воздухе.

Время на буровой меряли четкими рабочими сменами. Вахта сменяла вахту. Даже в бураны и холода.

В городе, который теперь показался суматошным, взбалмошным, приснились снега — дикие, девственные. Потом, после выпускных экзаменов, — курсы лаборанток, снова тетя и буровая, иступительные экзамены и торопливый почерк институтской секретарши в зачетной книжке в графе специальности: «Геология и разведка нефтяных и газовых месторождений». Да, Геология. Разведка! Есть ли звучнее и краше этих слов, если ты только вступаешь в жизнь и у тебя все в будущем? Если ты знаешь, что геолог — это не только первооткрыватель, это посредник между природой и человеком, служит и тому, и другому. И от того, насколько он хорошо знает свое дело, зависит в наш век жизнь и природы, и общества. Это самые чистые и правильные люди — иначе, если ты не таков, ты не почувствуешь дыхания земли, не уловишь ее пульс. Тогда ты не сможешь стать настоящим геологом, потому что никогда не сделаешь ни большого, ни маленькое открытие — земля не доверит тебе свои тайны.

Таким представлялся геолог Наде в тот год, когда она поступила в институт и мать четким учительским почерком писала длинные тревожные письма, где пророчила дочке блестящее будущее педагога и просила одуматься: городской ли девочке быть геологом? Девушка настояла на своем, и со временем

образ геолога не померк, а становился более конкретным, живым: каждый человек, появившийся на буровой, вносил в образ новое, лучшее, что было в этом человеке. И вот пришел парень — далекий вроде бы от геологии и разведки. Что нового может добавить он к понятию «геолог»?!

— Сигильетов, когда вы встанете на комсомольский учет? — подошла Надя к Миккулю, недоступная и холодная, как январское солнце.

— Стал уже, — пробормотал Миккуль, удивленный столь требовательным тоном девушки.

— И чтобы взносы вовремя! — помягче добавила Надя. И пошла своей легкой, независимой походкой.

Миккуль подумал, что и фигура у нее под стать характеру. Хорошо подготовленная спецовка болотного цвета делает ее еще более строгой и... красивой. Отряхнув глиняную пыль, он поспешил на вертолетную площадку, где его ждал тракторист.

Вчера Миккуль обшил тесом столовую. Топором и ножовкой владел сызмальства — навесил двери, прорубил три окна. Внутри с электриком поставили вентилятор от «Кировца», включишь — ни комарика, все сдувает. Жора долго прищелкивал языком, обвинял Миккуля, потом огрызком мелка на дверях вывел корявыми буквами:

Ресторан «Шарошка».
Шашлык. Харчо. Аджар.
Все есть, что душа хочет!
Всех ждет директор Жора!

Рабочие весело хлопали новичка по плечу:

— Ай да плотник, избавил нас от комаров.

— Жора, корми его первым! Если бы не Миккуль, загрызли бы тебя комары!

— Когда Жора в долгу оставался? — ворчал повар. — Жора ничего не забывает!

— Да, по дереву ты мастак,— сдержанно бубнил за ужином Кузьмич.— А вот как с железом?..

— Сладит и с железом,— неожиданно поддержала Миккуля тетя Вера.— В его годы человек всюду к месту, не то что мы, старье..

— Всему свое время, доберемся и до главного! — продолжал порчать Кузьмич.

От работы осталось радостное ощущение. Надо бы матери написать, как устроился, чтобы не переживала за него. Но не любил писать письма, поэтому отложил до первой вахты.

На другой день Кузьмич отправил Миккуля седьмым членом вахты на смену. Седьмой — лишний, в вахте всего шесть человек. Миккуль сначала помогал «помазку» —правляли отдыхавшие дизели, их под навесом много: одни работают, другие отдыхают. Потом помогал буровому рабочему-«подсвечнику», — крючками подтягивали висевшую трубу в угол, бурьяльник на что-то нажимал, и труба опускалась и становилась на попа. Работа вроде бы простая — успевай только разворачиваться. Но грохот «забивал» уши, машинный дух перехватывал дыхание. Когда становилось совсем невмоготу, Миккуль бросал грубые брезентовые рукавицы и бежал в светлый сосновый бор. «Это тебе не балку стрелять, не соболя высекивать! — беззлобно посмеивались помбуры. — Железо-то кусачее, злое, пуля охотничья его не берет!»

Миккуль лежал неподвижно на белом влажном ягеле, оглушенный и ослепленный, и ждал, когда свежесть и покой мудрого Бора вернут ему силу, способность дышать, слушать, видеть, наконец, способность жить. Ведь Бор не оставит его в беде?! Кто поможет, если не Бор?! Потом, придя в себя, возвращался на буровую. Понял, что хорошо придумал Кузьмич, поставив его, пусть даже седьмым

человеком, в вахту: одно дело зверя промыслить, совсем другое — нефть.

Вечера, по-таежному тихие и грустные, нагоняли печаль. Если не собирались на чаепитие у Кузьмича, Микულ от непонятной тоски поднимался на вышку. Сегодня встретил здесь Надю. «Что тянет ее сюда? — соображал Микულ. — Может быть, она тоже мечтала стать пилотом и любит смотреть на тайгу?»

Солнце опустилось уже наполовину... На округу пабежала тень — тайга, потемневшая и посуровевшая, притихла. Лишь на вершинах дальних сопок да еще тут, наверху, играло солнце. Но через минуту оно провалилось за горизонт. В прощальном солнечном сиянии плавали лишь редкие высокие облака. Наконец погасли и они.

Надя украдкой покосилась на Микуля. Этот молчаливый парень все-таки вызывал интерес. На буровой таких еще не бывало. Он не прикидывался бесшабашно-веселым остряком, не играл влюбленного по уши красного молодца, не сыпал комплиментами. И в то же время с ним не чувствуешь того напряжения, которое возникает в разговоре с мало-знакомыми мужчинами. Можно просто стоять и молчать — и все равно с ним хорошо. И ей вдруг стало тревожно, стало совсем не все равно, что он, привыкнув в буровой, может утратить ту почти детскую свою искренность и чистоту души, которые так удивили ее.

Микულ покосился в сторону соснового бора, нерешительно взглянул на девушку и наконец тихо спросил:

— Надя, а ты слышишь, как стонут сосны в бору?

— Стонут? — переспросила девушка, вскинув брови. Но, помолчав, ответила серьезно: — Нет, я слышу только песню старого бора.

— Тебе хорошо...
— Они жалуются только сильным, кто им может помочь,— прервала Надя.— А меня не хотят тревожить, наверно, деликатные они!

— Да, они тихие,— подтвердил Микуль и высказал свое опасение: — Мне кажется, я все думаю, они быстрее меня отсюда выживут, чем буровая, чем машины ее! Раз такое случилось, по таежным обычаям, кто-то должен ответ держать. Без этого нельзя.

Тут он вспомнил и рассказал случай в подтверждение своим словам. Лет шесть назад в низовье реки Ингу-Ягун появился лесосуходок, его люди рубили и сплавляли лес. Все шло так, как намечали, только на начальников не повезло им. Первый года не проработал — умер от какой-то не ведомой никому болезни, второго взяла река в половодье, третий погиб на охоте. Словом, через каждый год новый начальник. И старики предположили, что причина гибели начальников в том, что лесосуходок вырубил много деревьев и еще больше сгубил напрасно молодого, только подрастающего леса. Будущий лес напрасно сгубил. По древним преданиям, чем больше человек уничтожает живых юх-пом¹, тем короче становится его жизнь. Поэтому ханты еще с малолетства внушают детям — беречь деревья и травы. Оттого-то в прежние времена охотники-ханты на дрова рубили только сушняк, а жерди для чума, если путь предстоял дальний, разбирали и аккуратно ставили под кроной разлапистого дерева — они пригодятся тому, кто здесь остановится потом. Оленеводы же такие жерди всегда возили с собой, потому что часто кочевали. Если они хорошо оструганы и легки, то пере-

¹ Юх-пом — устойчивое словосочетание «деревья-травы». Живые — значит, серые, незасохшие (хант.).

ходили от поколения к поколению и служили человеку немало лет и зим. Да что жерди, даже рогульки для чайника и заостренные палочки для подовушки¹ охотник приберет на кострище, а если когда поедет еще по этой дороге, то обязательно остановится здесь на кормежку оленей или ночежку. Значит, не будет рубить лишний раз молодые деревья!..

— Вот не думала, что твой народ так почитает дерево! — удивилась Надя. — Обычно чего у человека много — то он мало ценит!

— Здесь ведь все от дерева идет, — сказал Микуль. — Поэтому, видно, и дерево уважают! Не будь леса, что бы охотник делал?!¹

— Да-а, — задумчиво протянула Надя, помолчав. — Но думаю, сосны твои умные и должны понять, что ты пришел на буровую, чтоб найти нефть, чтоб облегчить жизнь тайги: и людей, и деревьев... Разве они это не поймут?

— Наверное, поймут...

— Значит, ты еще услышишь их песню.

Но песнь соснового бора еще не скоро пришла к Микулью и не скоро оттеснила стон убитой сосны. Но все же он был благодарен Наде, которая будто бы подарила ему эту песню. Потом, когда бы он ни вслушивался в шум сосен, всегда вспоминался ему Надин голос. Ему уже казалось, что это поют не сосны, а Надя. Голос ее успокаивал и вселял надежду на что-то большое и светлое.

6.

Наконец пришло утро седьмого дня. Микуль в чистенькой спецовке ждал завтрак за дощатым столом. У плиты, среди котлов всюю колдовал Жора.

¹ Подовушка — распахнутая и поджаренная на костре щука.

Тут же вертелась его помощница Света, смуглая хрупкая девушка. Она только вчера вернулась из отпуска и не узнала столовую. Густо пахло свежей древесины, проемы окон затянуты марлей. Комары тцетно штурмовали эти белые пятна.

— Как хорошо-то стало, Жорик! — восхищалась Света, искоса глянув на Микуля. — Посмотришь, будто и не буровая!

— Ты что так рано, Мико? — пробурчал Жора. — На вахту, что ли, собрался?

— Не видишь... — Микуль показал взглядом на оранжевую котелкообразную шапку, которая лежала на скамье рядом с кепкой и брезентовыми рукавицами. — Только что каску не надел!

Тут Жора заговорщически подмигнул Микулю, подойдя к столу, наставительно сказал:

— Э, друг, на работу никогда не спеши! Понял — не спеши, быстро устанешь! Я много работал, знаю, что говорю!

— Жорочка, ты же говорил, что не любишь много работать! — вмешалась Света. — Ты ж по ресторанам любил...

— Не мешай! — отмахнулся Жора. — Я человеку дело говорю!.. Слушай, Мико: тебе надо со мной дружить, хорошо буду кормить, тогда и зарабатывать будешь хорошо. Чтобы сила была, все идет в мой «ресторан». Не сделаю обед — остановится работа. Я тут главный!

— Нет слов — ты у нас, Жора, всему голова! — подхватил вошедший Алексей Иванович, бурлящий лет сорока, худощавый, с пышными пшеничными усами, Микуль часто видел его у пульта. — Здорово были! Ну как, Жора, без комаров ты теперь тут, як генерал?

Алексей Иванович сел напротив Микуля, снял пятнистую от раствора кепку и взялся за ложку.

— К нам записали? Верховым? — спросил у Микуля.

— Да. Попробую...

— Ну, добре! Посмотрел тут что к чему? — он окинул охотника оценивающим взглядом и принялся за завтрак, добавив:

— Значит, любишь высоту? Это неплохо, но лучше, чтоб она полюбила тебя.

Вокруг глаз бурлащика едва заметные морщины. Они делают его взгляд лукавым и теплым. «Наверное, любит посмеяться», — решил Микуль.

Пришли дизелисты Ракович и его помощник Верезовский, длинный и беспокойный малый. Оба в замасленных куртках. Ракович крупный статный красавец, но медлительный и молчаливый. Кепка надвинута на самые брови. Взгляд из-под козырька тяжелый и какой-то затасанный.

После них появился первый помбур Гриша Резник — плотный, кряжистый, словно молодой, набравший силу кедр, красующийся среди берез.

— Здравствуйте! А где Костик? Я ж поднял его, опять, наверное, завалился!

— Покоже на него! — заметил Верезовский ехидно, но никто не обратил на это внимания. Привыкли. — Надо бы водицей...

Тут в столовую влетел Костик, буровой рабочий. Волосы каштановыми кольцами мотались во все стороны. Лицо круглое, с нежной кожей. Глаза большие и по-детски чистые, доверчивые, с густыми ресницами.

— Привет, орлы! — закричал он с порога. С его появлением тишины как не бывало.

Костик пришел последним, но ел так быстро, что пустую тарелку отодвинул от себя раньше всех. Он придвинулся к Микулю и начал его «просвещать».

— Ты плохо знаешь наших людей, вот слушай. Это Ракович — конкурент Жоры. Думаю, где-нибудь у него лежит ведерный чугунок с деньгами. Зачем? Никто не знает. Кепку его не трогай. Медведь, видимо, скальп содрал, хотя на охоту ни разу не ходил. Молчит как ротор, разговаривает только со своими дизелями...

Микуль вспомнил железное возвышение с зубастым отверстием-ртом, куда опускают трубы. По рассказам он уже знал, что раньше бурили ротором — он вращался, гудел, а теперь — турбобуром, ротор неподвижный, молчаливый.

Ракович никак не отреагировал на слова Костика.

— Рядом с ним Верезовский, — продолжал Костик. — Помозок, то есть помощник дизелиста. Хотя, я подозреваю, в дизелях он ни бум-бум, как и я. А сидит на тепленьком местечке под навесом — ни раствора, ни ветра. Хорошо устроился. Но я еще выведу его на чистую воду.

Верезовский, который обычно за словом в карман не лезил, сейчас спокойно работал ложкой, словно не о нем речь.

— А Гриша... — Костик помолчал. — Это наш силач и ангел. Его лучшие друзья — собаки. По-моему, он недоедает, все скармливает жучкам. Скоро, пожалуй, начнет тощать. Если бы не собаки, был бы, я уверен, сильнее всех дизелей Раковича. Увидишь это, когда поломаются насосы.

Костик выбрался из-за стола, подошел к прикурившему Алексею Ивановичу и, полюбив его за плечо, сказал:

— А это наш бурила и папаша! Да, чуть не забыл, — и мой лучший друг! Правда, Алексей Иванович, я твой лучший друг? — и с кротким безвинным лицом уставился на бурильщика.

— Костик, кажется, только вчера ты клялся в

любви Светочке? — ехидно напомнил Верезовский. — А сегодня вот Алексею Ивановичу...

— А разве нельзя любить сразу всех людей?! — встрепенулся Костик. — Я, может, и Гришу люблю, и тебя, Вереза... Хотя, стой! Я свои рукавицы в твоём ящике нашёл — как они туда попали?

— Сам же и сунул туда, го-ло-ва! — отпарировал Верезовский. — Теперь виновных ищет! Загляни ещё в ёмкость с соляжкой!

— Что я там забыл?

— Может, свою каску найдёшь, которую на прошлой неделе посеял!

Но тут Алексей Иванович направился к двери, все поднялся.

Вышка находилась в двухстах метрах. Шли цепочкой за Алексеем Ивановичем по узенькой тропке. Шли степенно, неторопаясь. Слово за бурильщиком тинулась верёвочка с крепкими, давно проверенными узлами. И в первую очередь развяжется там, где узел слабее: каждый отвечал за те два-три шага, что отделяют его от другого. Костик и тот приумолял, шаг его стал твердым и тяжёлым. Микуль шел последним в цепочке, видел ее всю и неожиданно почувствовал, что этих людей связывает что-то прочное, надежное, возникшее, наверное, у разведчиков за годы совместной работы на многих буровых...

Вахта разошлась по своим местам: Ракович и Верезовский нырнули под законченный навес, где пытели дизели. Алексей Иванович у пульта разговаривал с бурильщиком ночной смены. Гриша ушел к насосам, а Костик распекал бурового рабочего за грязь на мостках.

Микуль по узкой лестнице поспешил наверх.

С площадки верхового хорошо видны ротор, лебедка и часть мостков. Люди внизу совсем крохот-

ние, суетятся, как муравьи. Костина голова плавает по бурой луже глинистого раствора. К ней подходит кепка Алексея Ивановича. Из-под навеса показался замасленный берет Верезовского, крутанулся на месте и шмыгнул обратно.

Наверх поднялся Гриша Резник, помог надеть Микулю предохранительный пояс.

— Ты тут выше всех,—говорил Гриша.—Сидишь, как в гнезде, со всех сторон закрыто — защита от всех ветров.

— К чему летом такая защита, ветров-то не бывает?

— Зато осенью будет дождь, слякоть, мокрый снег.

— Разве до осени скважину не закончим?

— Кто знает, если аварий не будет — должны сдать, осталось всего полторы тысячи. А возможно, и зиму прихватим — раз на раз не приходится.

— Какие аварии? — интересовался Микуль.

— Разные бывают. Запорешь дизеля — вот и авария. Приходится сидеть и ждать, когда новые поставят, а время-то идет, не видать ускорения.

— Ускорения?

— Да, это надо раньше срока сдать скважину — вот это и есть ускорение.

— А пояс-то, пожалуй, будет мешать мне,—сказал Микуль.— Ты меня будто в упряжку запряг — весь в ремнях, как работать?

— Так ты сам в упряжку разведчиков впрягся! — засмеялся Гриша. — Теперь не говори, что не можешь тянуть! — Потом он серьезно добавил: — Мешать не будет, а польза есть. Высота всякая, если выпадешь из люльки — повиснешь на поясе, ничего с тобой не случится... На сорок второй скважине был случай: верховой без пояса работал, чуть было не разбился. Хорошо, не растерялся — по све-

че¹ сполз. Я вот третий год на буровой. Свалился как-то верховой на ротор, на железо — разбился, голова дурная — сам виноват. А люди за него отвечают — бурильщик в первую очередь, мастер. Так-то.

Гриша прошел в люльку, крохотную площадку — словно сиденье облака между двумя распорками, с деревянными бортами до пояса. Помахал бурильщику: давай, мол, я готов. Перед ним остановился элеватор с трубой. Гриша притянул их веревкой к люльке и открыл крышку элеватора.

— Теперь свечу надо поставить за палец, рядом с остальными. Если она плохо станет — надо вязать, а то завалятся все свечи, когда их много наставишь. Если плотно подойдут к стоящим, вязать не нужно. Вот штимки...

«Странный народ буровики, — подумал Микуль. — Все надо другими словами называть: бечевка — штилка, железная балка — палец».

Между тем Гриша давал последние советы новому верховому:

— На силу не надейся — тут все железное, силой не возьмешь, надо хитростью, головой. Видишь, элеватор, как ты называешь, «загогулина», со свечой раскачивается... Когда качнется в твою сторону — тогда и подтягивай к люльке и крепи узел каната за выемку на борту. Лови момент! Если будешь воровать силой — полсмены не выдержишь. А потом привыкнешь — легче будет. А теперь попробуй сам...

Микуль отценил свою первую свечу, трубу, похожую на гигантский хорей Манкв-ики, и повел ее вдоль борта. Свеча в его руках трепыхалась много-

¹ Свеча — две бурильные колонны, соединенные вместе. Когда идет подъем инструмента, колонны (трубы) отворачиваются парами и ставятся внутри вышки.

пудовым стальным телом, словно живая, и не давалась в руки вчерашнему охотнику. Скользкий конец свечи он держал крепко, но середина вибрировала, ходила волнами из стороны в сторону. И, наконец, захлестнула предыдущую свечу.

— Шайтан бы ее взял! — в сердцах выругался Микულъ, чувствуя, как покрылись ливкой испариной спина и виски.

— Отведи в сторону и поставь снова, — раздался за спиной спокойный Гришин голос. — Не торопись. Ну, вот, порядок! За борт не очень-то переналивайся. Смотри, когда блок идет вниз, чтобы не задел тебя.

Спокойствие Гриши передалось Микую. Хорей Маня-ики в его руках уже не капризничал, он поставил его на место. Перед люлькой ожидала очереди новая свеча. «Быстро подают!» — мелькнуло в сознании.

Поставил еще три свечи. После каждой облегченно вздохнул, словно после удачной добычи.

— А шея у Алексея Ивановича не болит? На каждый хорей задирает голову, — спросил Микулъ.

— Это он, брат, за тобой следит, когда ты свечу снимешь и когда ему майнать или вить надо. Когда он с опытным верховым работает, так он сюда почти не смотрит. Знает, сколько времени надо верховому, чтобы снять или вставить свечу. Вот ты с ним сработаешься, и он не будет тебе снизу показывать запорожские усы свои. В общем... слаженность в работе. А шея вряд ли болит — нефтяник старый, привычный, около двадцати лет на Севере. Так что за него не переживай...

Свечи поднимались одна за другой. Микулъ топорливо открывал крышку элеватора и заводил их за железный палец. Он сразу же забыл о наставлениях Гриши — хватал свечи как попало, думать было

некогда. Усталость оттеснила все мысли. Он ворочался в люльке как робот. От пота щипало глаза. Время словно остановилось. Внизу уже вместо усов бурильщика он увидел румяное мальчишеское лицо Кузьмича. Мастер, как рыба, разевал рот: видно, что-то кричал, но дизели глушили все. Покрутив головой, мастер нажимал на рукоятку. Потом вернулся Алексей Иванович, и Кузьмич занял место Костика.

Поднялся Гриша и отправил Микулю на обед. Тот даже не снял пояс, отцепил защелку с кольца и весь в ремнях поплелся в столовую. Это привело в большой восторг Жору: долго гоготал и цокал языком.

Когда вернулись на вышку, турбобур был уже поднят. На мостках лежало снятое долото — две шарошки были без шипов, ровненькие, хорошо отполированные. Третью заело — не крутилась совсем, нижней половины нет — начисто «съел» грунт. Трудно представить, что эти шарошки были из самых твердых сплавов, какие только знает человечество.

— Давайте трехшарошечное! — скомандовал Кузьмич.

Микулю приволок тяжелое долото, похожее на вывернутое бурей корневище сосны.

— Видал, Микуль, как шарошки поработали! — похвастался Костик, словно это была его работа. — Бывает, еще сильнее изнашиваются и совсем отваливаются от долота. Мы их магнитом выуживаем, как на рыбалке!

— Как можно — полтора километра! — не поверил Микуль. — Врешь, однако, Коска!

— И не вру — спроси у кого хочешь! — защищался Костик. — Если там железяка лежит — бурить невозможно! Вот и приходится лезть туда...

После смены долота начался спуск инструментов:

свечи наворачивали друг на друга и спускали в скважину. Микуль прикинул, что на полторы тысячи метров нужно примерно шестьдесят свеч, шестьдесят хореев Манкв-ики. На три тысячи метров — больше сотни надо. И эти железные кишки надо поднимать и спускать через несколько часов, чтобы сменить долото. И так каждый день: подъем — спуск — бурение. А разве нельзя одним долотом пробурить всю скважину? Зачем делать лишнюю работу? Зачем попусту время убивать? Тут, пожалуй, умом можно тронуться...

И работа на буровой показалась ему пустой и бессмысленной. На охоте проще: одно из двух — удача или неудача.

В четыре пришла вечерняя смена.

Мылись по пояс, затем докрасна растирались холщовыми полотенцами. Потом Микуль взобрался на полку. Все тело гудело, и он сразу же провалился в теплую пустоту, мягкую и приятную. Видно, пушистый сон-колонок, который убежал в первую ночь, теперь не боится шума буровой, помаленьку привыкает. Но как ни крепко спал он, а от собачьего лая проснулся: безошибочно определил, что собака увязалась за белочкой, которая перескакивала с дерева на дерево, уходила от преследователя. Микуль повернулся на другой бок, но прерывистый нервный лай не дал задремать. Прибежал Костик, крикнул:

— Вставай, Микуль, скоро на ужин пойдем!.. Меня вот днем не тянет на сон, по утрам — другое дело, проснуться не могу. А знаешь, скоро твой земляк приедет, рог мне привезет.

— Какой земляк?

— Степаном зовут, рыбак, на моторке ездит. Прошлый раз он возил нашу вахту на рыбалку, невод у него есть.

После ужина, по обыкновению, усаживались на

лавке у стены, курили и вели неторопливые беседы. Гриша с тарелкой в левой руке кормил собак: называл пса по кличке и бросал кусок, но его перехватывали более нахальные и нетерпеливые, и начиналась свалка. Гриша немедленно водворял порядок, отчитывал провинившихся и начинал заново. Рабочие молча наблюдали.

Микуль, выходя из столовой, отпихнул подвернувшуюся под ноги собаку, сердито цыкнул на нее.

— Ты что, не любишь их? — удивился Гриша. — Ты ж охотник...

— Не нравятся мне эти собаки, — ответил Микуль. — Охотничьи лайки, как только кончается охота, всю весну и лето на привязи сидят, потому что...

— То охотничьи, а это свободные жучки, куда захотят — туда и понесись! — перебил его Гриша.

Осердился немного Микуль, что не дали ему слово сказать, ведь в тайге сначала один говорит, потом другой: если голова на месте, никуда нужное слово не убежит, поэтому остановил Гришу:

— Дай мне слово сказать...

Повторил Микуль: да, охотник все лето и весну собаку на привязи держит. А почему на привязи держит? Да потому, что сейчас пришла в тайгу Белая Ночь — наступило время покоя и тишины. Птицы рек и озер тербят перья на своих грудках, чтобы в гнездах, где лежат яйца, было мягко, было тепло, было уютно. Они своей одежде не жалеют, до осени с голой грудкой будут летать, чтобы только вывести птенцов. Гнезда в дуплах, в кустах багульника, на болотных кочках, открыты семи ветрам и семи дождям, открыты семи клыкам и семи когтям! Если тебе не совестно смотреть в изумительные светлые глаза Белой Ночи, бери яйца с теплого гнезда и глотай их, пока хруст скорлупы не ударит тебя по уму и сердцу. Если, конечно, они у тебя есть...

В дупле старого дерева соболеха прячет своих еще слабых детей, под корневищем толстой сосны лиса выкопала нору для своих лисят, на неокрепших длинных ножках лосята и оленята семенят за своими матерями. Они пока беспомощны, у них нет даже того немногого, чем наделяет природа взрослых зверей: ни крепких зубов, ни тяжелых рогов, ни острых копыт. Их можно взять голыми руками, если тебя не смущают ясные небесные очи Белой Ночи. Охотник-таежник всегда чувствует на себе взгляд Белой Ночи, и никогда у него не поднимется рука. Летом у него и ружья-то нет, летом он не охотник, летом он рыбак, а рыба добывается не ружьем. Но и летом зима ему снится, и он ревниво стережет покой и тишину тайги, он знает свои земли и воды, много раз убеждался: что Белой Ночью посеяно, то он осенью и зимой пожнет. Таков закон природы, таков закон тайги. Поэтому он на страже покоя и тишины, поэтому он прячет ружье, поэтому он держит свою лайку на привязи. Он знает, что власть, магическая сила Белой Ночи не действует только на хвостатых, только на хвостатых!¹

Сказал Микуль свои слова и умолк. Призадумались и буровики, не спешили с ответным словом. Только Гриша не заставил себя долго ждать, воскликнул:

— Да мои жучки дальше кухни дороги не знают! Где им до гнезд и птенцов?!

— Вчера на озере норы ондатровые рыли,— вспомнил Микуль.— И на бору сегодня за белками гонялись!

— Не без греха твои жучки, Гриша! — вмешался

¹ «Хвостатыми» охотники называют собак, когда не хотят унижить достоинство того, о ком говорят.

Костик.— Я тоже слышала, как они кого-то облаивали!

— Привязывать их надо,— жестко сказал Микуль.— Нельзя так оставлять. Ведь осенью нам самим на охоту захочется, все мы теперь тут вроде хозяев.

— Да сожрут их комары заживо! — крикнул Гриша.— Не выживут на цепи!

— Выживут! — веско сказал Микуль.— Ни одну собаку еще комары не засади! Только цепь должна быть такой длины, чтобы собака смогла вырыть себе нору, на лад лисьих нор. На цепи летом она обычно всегда делает такое жилище. Или хозяева-охотники роют яму своей лайке, сверху закрывают досками и песком, оставляют вход в нору. В жару там прохладно, нос в песок — и никакие комары не страшны!

— Гриша, лопату в руки — и давай фатеры своим жучкам! — засмеялся Верезовский.— Если не хочешь, чтобы их комары заморили!

— Да за что же им такое наказание? — возмущался Гриша.— Они еще ни перышка из лесу не приносили!

— Еще не одно перышко принесут! — уверил Микуль.— Увидишь.

Заспорили боровики: собаки вредят тайге или нет, а следовательно, держать на привязи их или не держать. Алексей Иванович предложил разрешить спор таким образом: повременить до первого греха собак, чтобы, как он выразился, вещественное доказательство было — разоренное ли гнездо, пойманная ли птица, затнанный ли зверь. Как только это обнаружится, сразу всех собак на цепь. С ним согласился, и рабочие разошлись по своим балкам.

Микуль понимал, что не так-то просто поймать собаку с добычей, ведь не станешь бегать по их следам. Позднее у него появилась привычка: если

попадались собаки, внимательно оглядывал их, нет ли следов крови на шее и на морде. Он знал, что псы, живущие возле помоек, очень неопытны, совсем не следят за собой. Разве сравнить их с охотничьими лайками, которые после кормежки обязательно «умоются» — залижут шерстинку к шерстинке, знают себе цену: не отираются у ног каждого встречного, не станут вымаливать кусок, не ходят взлохмаченные и грязные.

Вернувшись в балак, Микуль снова лег — после вахты спина, ноги и руки словно одеревенели и при движении тупо ныли. Он подумала, что беспросыпно проспит до самого утра, но не тут-то было. Ночью ему снились таежные птицы и звери, и часто будил его собачий лай. Но, проснувшись, убеждался, что тишину нарушает только шум дизелей. Подивился он упорству буровой, которая с самого начала отворачивалась от него, то преследовала, гнала прочь сон-колонок, то сосну старую натравила, и вот, наконец, до собак добралась. А завтра что преподнесет?! Но Микуль уже нащупал тропу, с которой опытного охотника не просто сбить.

7.

Не прошло и недели, как Микуль молча положил на стол мастера Кузьмича двух полумертвых окровавленных лисят. Разведчики, бывшие в балаке, рассматривая их, тихонько рассуждали: выживут или не выживут. Кузьмич невесело покосился на своего трехмесячного, без единого белого пятнышка щенка Чомбе, который спасался от комаров под столиком с рацией. И теперь хозяин словно хотел без слов убедить всех, что его щенок здесь ни при чем. Затем он перевел взгляд на Гришу Резника, тот сказал,

что давно уже вырыл яму — нору для своей жучки, а за других не ответчик. Но тут выяснилось, что чуть ли не у десяти собак нет хозяев. Почти каждый приезжающий привозил с собой жучку, а когда увольнялся и уезжал, оставлял ее на буровой.

С первой же вахтой, уходящей на отдых, отправлял собак на базу.

После того как вопрос с жучками уладил, Микую показало: бор и болото, озеро и река впервые посмотрели на него с благодарностью, признали в нем таежника. И он с легким сердцем отправился на озеро ловить окушей. После его ухода припала на крохотной несмоленной лодчонке Степан, заглушил подвесной мотор и легко перескочил на песок. Не спеша вымыл в речной воде руки и заросшее щетиной лицо, искусанное мошкой, пригладил спутанные волосы, вытер шейным платком угольно-черные и колючие глаза и лишь после этого направился в балак Алексея Ивановича.

— Кер сделал? — спросил он хозяина, поздоровавшись.

— Давно тебя ждет, Степан!

— Чтобы бог дал тебе семь сыновей!

— Э, Степан, — усмехнулся Алексей Иванович, — я все же тебе друг. Давай пошли чай пить!

Хозяин наполнил кружки крепчайшим, почти черным чаем.

— Глухарей в этом году много будет, думаю, — сказал Степан, сделав первый глоток.

— Откуда знаешь?

— Выводков много. На песках следы уже есть, значит, матери глухарят обучают.

— Свозишь на охоту к себе, ненадолго?

— Возьму, Лексей, ты хороший человек и плохой охотник.

— Поэтому и согласился? И хитер же ты, Сте-

пан! Значит, беру отгул на недельку. Скажи, в какое время лучше всего?

— Осень скажет, когда надо на охоту идти.

— Опять хитришь, друг,— засмеялся Алексей Иванович.— Будто сейчас не знаешь, какая будет осень?!

— На зверя хочешь?

— Где мне на большого зверя, на глухаря хочу.

— Середина сентября — самое время, думаю.

— Степан, а как называется глухарь по-хантыйски?

— Лук.

— Лук?

— Не так сказал, Алексей. «У» короткий-прекороткий — лук! Как будто вовсе нет «у», а на самом деле есть, только прячется... Вот-вот, еще короче, немного получается.

— Учитель бы из тебя неплохой вышел, Степан.

— На это, наверное, голова хорошая нужна, — ответил Степан. — А в моей голове одни звери, птицы да рыбы. Да еще реки, озера, тропы — сплошной лес. Кого теперь это интересует?! Никого, думаю.

— Так уж и никого?!

— Живу я тут, глаза видят, уши слышат, куда денешься?!

После чая Степан вытащил из мешка сорогу с серебристой чешуей — твердую, насквозь провяленную. Протянул бурильщику:

— Попробуй, не пересолна?

Тот очистил рыбину, откусил со спинки:

— Хороша, Степан, в самый раз. Эх, пивка бы сейчас?

— Понравилась — хорошо, тебе привез, возьми с мешком.

— Спасибо, Степан!

В балак влетел Костик, с порога закричал:

— Здорово, Степан! Почему так долго не показывался?

— У меня выходных нет, как у вас тут.

— Переходи к нам — и у тебя будут!

— Э, старая сказка.

— Рога привез?

— Котелок твой, Коска, наверно, продырявился, починить надо малость.

— Почему, Степан?

— Сколько тебе говорить: рога еще сырые, рано. А говоришь — сибиряк!

— Ловко он тебя, Костик! — поддел Алексей Иванович.

Но Костик ни на кого не обижался.

— У меня новость для тебя, Степан! — заговорил он. — Ты вот все твердил, что никто не придет к нам работать. А теперь твой земляк работает у нас!

Степан вопросительно взглянул на бурильщика. Алексей Иванович кивнул.

— Зови его, если по-нашему понимает, поговорю с ним, — сказал Степан.

— Пойду я, печурку... кер приготавлию! — проговорил бурильщик, поднимаясь. — Ты кури пока здесь!

Степан распотрошил три «белоокрыны», высыпал табак на страницу раскрытой книги, затем оторвал кусочек газеты и начал спорачивать сигарку заско-рузлыми, непослушными пальцами. Табачное кро-шево сыпалось на его мазутные штанины, но он не замечал этого.

Микуль остановился около порога, поздоровался. Голос его прозвучал неестественно громко и бодро, и он приуменьшал. Из облака дыма Степан молча огля-дел его с ног до головы, словно воочию хотел убе-диться, правда ли настоящий охотник перешел на

железную работу. Наконец жестко спросил, кто его отец, из каких мест. Микуль коротко ответил.

— Ма нунг чече вуим!¹ — нахмурился Степан. — Крепкий был медвежатник!.. А ты пошто охоту бросил? Рыбалку пошто бросил, а? Разве ты не сын охотника? Разве ты не любишь нашу тайгу?!

Микуль, не ожидавший такого напора, немного растерялся и молчал.

— Скоро охотников не будет, тайга пустая будет — зачем тебе «железная работа»? Может, денег много надо? Они тебя сманили?! — напирал Степан. — Зачем тебе черная вода?!

— С каждым годом все меньше зверей в тайге, это ты лучше меня знаешь. Что делать охотнику? — заговорил Микуль. — А «черная вода» тоже чего-то стоит — ненужную вещь не стали бы искать, знаешь ведь!

— Про завтрашний день уже думаешь?! — не то с осуждением, не то с одобрением произнес Степан. — На мой-то век, надеюсь, рыбы-зверя хватит, на буровую не заманишь, нет.

— Стариков никто и не манит.

— Мне пора ехать, помоги вещи отнести. Продукты у Жоры покупаю, — говорил он Микулю, выходя из балка. — В свой поселок далеко ехать, зря бензин жечь, а тут рядом, только муки и вина нет.

Степан взял пустую канистру с вмятинами, облупившейся краской. Пошли к мастеру Кузьмичу.

— Как дела, Кузьма? — спрашивал рыбак. — До нефти еще не добрался?

— Нет пока, но доберусь!

— Нет здесь нефти, зря стараешься!

— Откуда знаешь, пошаманил, что ли?

— Шаманил не шаманил, но так думаю.

¹ Я твоего деда знал! (хит.)

— Что нужно, Степан — бензин, масло?

— Солярку надо.

— Зачем? Уж не мотор ли заправляешь?

— Нет, ночи темные осенью, а лампа не хочет работать.

— А я подумал, мотор свой под солярку приспособил. Слышал, Степан, новый подвесной мотор изобрели. Сильный, на солярке работает.

— Внук мой, может, будет на таком моторе ездить, — усмехнулся рыбак.

— Все государство грабишь! — ехидно заметил подошедший Верезовский. — Грабишь?

— Я — кто?! Не государственный?! — неожиданно вспыхнул Степан. — Ты государственный, а я нет? Так чей я, чей?! — Его темное лицо стало серым и свинцово-тяжелым. Пальцы, сжимавшие ручку канистры, побелели, как береста. Миг — и что-то лопнет: мышцы пальцев или ручка.

— Пошутил, ведь парень! — урезонил Степана Кузьмич, вырывая из его рук канистру. — Пошутил неудачно.

— Что «чей»? Кер, что ли? Твой, конечно, чей же еще! — сказал подошедший сзади Алексей Иванович; он не знал, что здесь произошло, поэтому, как ни в чем не бывало, продолжал:

— Глянь, какой красавец — кер! Затопишь, Степан, как в бане сидеть будешь. В чем — в чем, а в печках знал когда-то толк!

Верезовский быстро исчез.

— Нравится? — спрашивал Алексей Иванович. — Нет? Не доволен?!

Степан увидел аккуратную печурку, сваренную из листового железа. Лицо его прояснилось. Как все вспыльчивые люди, уходил он быстро. Поднял печурку, повертел, прикинул вес — не тяжела ли для охотничьих странствий. Кажется, нет, но хвалить

не спешил. Когда убедился, что сварена она на со-
весь, железо стоящее, не ржавое, скупно улыбнулся:

— То, что надо охотнику. Пошли, далеко мне
ехать, поздно уже.

— Все-таки я немного охотник! — Усы буриль-
щика дрожали от улыбки.

— Вот трубы, — сказал Костик. — Одну я даже
сам сварил, ты не забудь мне ро!

Ветхая самодельная лодчонка стояла чуть по-
выше пристани, где берег был чистый. Мотор тоже
под стать лодке — невзрачный, много поработавший.
По двухцветной окраске некоторых деталей можно
было определить: собран из двух моторов, но еще
не отказывается служить рыбаку.

Степан откинул брезент, сложил вещи на настил
с темными кружочками от недавно прошедшего дож-
дя и укрыл их тем же куском брезента.

Кузьмич принес солярку. Степан поблагодарил,
сказал:

— Иди зимы. Кто мне друг летом, тот самый
надежный друг и летом и зимой... Ты, Кузьма,
только речку мне не порти, нефть не пускай. Попро-
тишь — всю буровую сожгу! — ни по лицу, ни по
голосу Степана невозможно понять, в шутку это
сказано или всерьез.

— За нефть в речке мне и без тебя дадут по
шапке! — развел руками Кузьмич.

— Тебе нефть есть — идет зарплата, нет неф-
ти — тоже деньги получаешь. А у меня есть рыба —
сытый, нет рыбы — живи как знаешь.

— Иди к нам, устрою.

— У тебя все одно — глина да железо. Скучно,
что за жизнь?

— Заводи, — сказал Алексей Иванович. — Нам
спешить некуда, посмотрим, как твой мотор рабо-
тает.

— Когда заведу, оттолкните лодку,— попросил Степан.— Мотор того, вредный.— Он пробрался на корму и пробормотал: — Долго отдыхал, работай теперь!

Вытащил кожаный ремешок из куженьки¹, служившей инструментальным ящиком. Ремешком он заводил мотор— стартера не было. Рванул шнурок— мотор чихнул сизым дымком. Дернул еще— нет даже чиха, мотор висел куском холодного железа. Степан снял пиджачок.

— Как ты бензин разводишь? Может, масла больше нормы? — спросил Алексей Иванович.

— Мало нельзя — быстро изнашивается, где потом достану машину?

Мотор завелся на больших оборотах и взревел неожиданно резко в вечерней тишине. Лодка скрылась за поворотом. Стало тихо. Глухо ворчала буровая. Но к ее шуму настолько привыкли, что совсем не замечали. Микуль смотрел на волну и думал, что лодка прошла маленькая, а река долго не может успокоиться.

Волны тоскливо лизали песчаный берег.

Буровики направились к домикам — пора на бочковую. А Микулю совсем не хотелось спать: оранжевый колонок, как и в первую ночь, запривередничал сегодня — бежит и манит в таинственные сумеречные урманы, на тихие лесные озерца, на малохоженные таежные тропы и поляны, которые плавают в светлой Вечности Белых Ночей. Истаяла Луна Нереста — с болотных озер, с нерестилищ рыба начала спускаться в большие реки для нагула. Со взрослой листвой, со стаями комаров и мошкары, с безветренными и знойными днями заступила Луна Запоров. Отнерестилась рыба речная, а карась на

¹ Куженька — сосуд из бересты (хит.).

закрытых водоемах только приступил к своим играм.

Разгар Белых Ночей. Солнце на часок опускается за прибрежные березки и снова начинает свой путь, чтобы за короткое теплое лето вдохнуть жизнь в деревья и травы, в реки и озера, в больших и малых обитателей тайги.

Микуль в бледных сумерках бродил по сосновому бору: вот на таком же бору стоит Ингу-Ягун, только ягель там не такой богатый, как здесь. Что там делается сейчас? Всего месяц прошел, как уехал, а кажется — год назад. После вахты кое-как добирался до своей полки — железо выматывало все силы. И работал, кажется, впустую — нет никакой добычи, нефти нет! Тут, говорят, добыли нефть, не добыли, а деньги все равно дают. Вдруг вот целый год поработаешь — и не будет нефти? Сколько сил, времени, пота! — и все впустую. В Ингу-Ягуне как? Если я целый день ходил по лесу и ни зверя, ни птицы не подстрелил, никто мне за это деньги не даст — понимают люди: впустую я охотился, а пустота ничего не стоит. А тут вот зверя не промышляешь, черную воду не находишь, рыбу не ловишь, а зарплата идет. Чужо как-то получается, не поингу-ягунски! Правильную ли дорогу выбрал? Вель охотнику всегда нужна удача, без удачи он не может жить. И на что ему жить! А здесь как быть? Удачи-то совсем не видно.

А в Ингу-Ягуне в это время года, бывало, ездил за карасями. Возьмешь самую что ни на есть ветхую сеть — и то, покаставишь, поймешь с десяток ярко-огненных чудо-карасей. Потом сядешь у костра в ожидании янтарной ухи — по тайге бредет осторожная тишина, и всем телом чувствуешь всевидящие глаза Белой Ночи, и замирает все живое, прислушиваясь к неслышному голосу природы. Это

мгновение не подвластно времени, оно не может умереть, как не можешь умереть и ты.

И сердце вздрогнет и запоет бессмертную песню Земле и Жизни!

Если ты однажды пережил такое — тебе будет снится эта необыкновенная ночь, и с яростной силой захочется пережить ее заново.

Микуль наткнулся на бородастые стволы, опьяненный густым и горячим воздухом смолистого бора.

После отъезда Степана потянуло на вольную таежную жизнь: хочешь рыбы — садись в обласок, на охоту надо — бери ружье и в укромные лесные чащи. Захотел есть — разложи на берегу ручья маленький костер. А тут все по расписанию — и на работу, и с работы, и на обед. А у Степана худо-бедно, а приволье. Куда же он денется, когда охоты и рыбалки не будет? И Микуль не выдержал — на другой день не вышел на работу.

Всю боровую обшарили, нигде его не было.

— Сбежал наш охотник — куда человеку лесному железо! — ораторствовал Вerezовский, а потом повару Жоре сказал: — Шапка — тю-тю!.. Зна-аю, зачем ты вокруг него ходил...

Только одна Надя, словно знала какую-то тайну нового помбура, уверенно сказала:

— Никуда он не сбежал, придет!

Микуль явился на третий день со связкой огромных золотых карасей, сдал их обрадованному Жоре, вышел на работу. Вахта держалась с ним так же просто, как и раньше, будто ничего не случилось. Только Вerezовский с какой-то ехидной усмешкой поглядывал на него, но этого помазка другим никто не представлял — всегда такой. А Надя будто избегает его, Микуля, ни разу с глазу на глаз не оста-

валясь, и от нее веет если уж не зимним, то наверняка осенним холодом. Микуль все ждал главного разговора, а его нет и нет. Молчит бурлащик Алексей Иванович, молчит мастер Кузьмич. Что у них на уме?! Может быть, ждут вместо него нового помбура? И как только тот придет, его сразу же выгонят? Тогда почему же ему не говорят об этом? В Ингу-Ягуне если человек что-то сделал не так, ему это сразу же скажут в лицо, ничего тайть не будут. Ведь надо же было, не выдержал! И словами-то все не объяснишь, как это получилось. Сманила тайга, сманила Белая Ночь! Но они же и вернули. Вернули и новую таежную силу ему вдохнули. Силу, настоящую на горьковатом запахе дыма, на терпком аромате листьев и трав, на свежести утренней росы и вечнозеленой хвои. Да разве все объяснишь словами?.. А может быть... мастер Кузьмич и Алексей Иванович понимают его, Микуля, так же, как он понимает тайгу и Белую Ночь?! Ведь человека лишь тогда ни о чем не спрашивают, когда чувствуют его душу и знают его мысли. Зачем напрасно спрашивать человека, если заранее известно, что он скажет? Только не каждому это дано, ох, далеко не каждому. Может быть, одному из тысячи... Теперь Микуль ждал: если с ним заведут главный разговор, значит, он ошибся. Но прошел день, другой, третий, и он совсем успокоился. А однажды на вышке он сам напомнил Алексею Ивановичу о карасях, но тот отмахнулся, мол, работы много, как-нибудь позже потолкуем. Теперь он убедился, что Алексей Иванович — тот, единственный из тысячи. И мастер Кузьмич, видно, тоже. Не во всем еще разобрался Микуль, многого еще не знал. Не знал и о том, что в день его возвращения в балке мастера Надя наставляла немедленно созвать открытое комсомольское собрание и обсудить проступок комсомольца

Сигильетова. Кузьмич молча выслушал ее и вопросительно глянул на Алексея Ивановича, который был на буровой секретарем партийной группы. Его мнение оказалось противоположным: никаких собраний не устраивать, ведь Микуль, по всей вероятности, хотел уйти, а раз вернулся, значит, много думал и сделал правильный вывод, а собрание может все испортить, лучше побеседовать с ним попозже, когда все забудется, все перемелется. Кузьмич согласно кивнул: так, пожалуй, будет лучше,— и ребят надо предупредить, чтобы не лезли ему в душу. Улыбнулся он Наде, пояснил: это не прогул у Сигильетова, понимаешь, комиссар?! Тут все гораздо сложнее, подумай, каково ему принять и переварить такую махину, как наша буровая? Не каждому это под силу, не каждый выдерживает здесь, а ему, шагнувшему к нам с охотничьей тропы, наверное, вдвойне-втройне труднее, а наша с тобой задача — помочь ему, понимаешь, комиссар? Надя все понимала, но она считала, что открытое комсомольское собрание лучше бы действовало и на него, и на других разведчиков...

Всего этого не знал молодой помбур Микуль Сигильетов, не знал, что здесь, на буровой, его судьба многих тревожила, о нем думали и беспокоились не меньше, чем в его родном селении, потому что тут работали люди, которые видели немного больше и смотрели вперед немного дальше, чем жители Ингу-Ягуна. Многие еще не знал вчерашний охотник Микуль, многое ему еще предстояло узнать, многое открыть.

8.

Через каждые девять суток вахте полагается трехдневный отдых на базе. С буровой вахта Алексея Ивановича вылетела в час дня. Ребята приеде-

лись — все в чистеньких куртках и шляпах. Костик всю дорогу не умолкал: подсаживался в вертолете то к одному, то к другому, сиял весь, как хорошо отполированная шарошка. Даже мрачный Ракович будто посветлел. Доволен был и Микуль, ждал встречу с Ингу-Йгуном, нетерпеливо поглядывал в иллюминатор. Возле его ног прикорнул рыженький щенок — заманили в вертолет последних бродячих псов буровой, теперь выводки зверей и птиц обретут тишину и покой.

Кашляя, Алексей Иванович, мечтательно проговорил:

— Первым делом мы с тобой, Гриша, в баньку сходим — ну и попаримся, а!

— Ошибся, Алексей Иванович, — сказал Гриша. — Сегодня не придется, мужская-то баня завтра, в пятницу!

— Ах, черт, ведь верно! — огорчился Алексей Иванович. — Придется потерпеть, вечно у хозяйственников какие-то фокусы!

— Первый день буду спать, — сказал Костик. — Второй — в кино, третий — танцы и кино!

— Я займусь фотографией! — сообщил Везовский. — Поможешь, Ракович?

— Я домой поеду, — вставил Микуль. — Пожалуй, на рыбалку схожу.

За разговором не заметили, как и прилетели.

На базе, поселке нефтяников, в центре двухэтажные дома из бруса. На окраине, на высоком берегу таежной реки, ютились дощатые, вросшие наполовину в землю балки. Пыльные, короткие улицы, строящиеся дома, гул тракторов, гудки катеров на причале. И знойный раскаленный воздух.

В общежитии комендантша открыла комнату, по углам четыре кровати, застеленные свежим бельем. Стол, стулья. Чисто и уютно.

Стол поставили на середину комнаты, придвинули две кровати — стульев не хватало. Костик извлек откуда-то две бутылки коньяка — когда успел, одному богу ведомо. Разлил Гриша в разнокалиберную посуду, чокнулись.

— Ну, хлопцы, — провозгласил Алексей Иванович. — Поработали, значит, теперь и отдыхать треба. А на работу вы молодцы, грех жаловаться на вас. Давайте!

Гриша принес гитару, пели до хрипоты, даже не пели, а орали все песни, какие знали. А пустые бутылки катились под кровать. И там, ударяясь друг о друга, жалобно звякали.

Первым засобирался Алексей Иванович:

— Пойду до хаты, а завтра жду в гости, как договорились, обновим фатеру.

— Алеше Ивановичу квартиру дали в новом доме, — сообщил Костик Микулю. — Если приедет жена... если приедет — справит новоселье, все честь честью.

— Уж тебе, Петушок, на новоселье не бывать! — ухмыльнулся Вerezовский.

— Как вто не бывать! — огрызнулся Костик. — Как же без меня-то, я обязательно там буду!

— А вот и нет! — тянул свое Вerezовский. — Я по Березову знаю его жену — стр-рогая!

— Ну и что?

— Стр-рогая! Если приедет, лично я сомневаюсь, чтобы приехала. Если приедет, такого шало-пая, как ты, по башке мешалкой и вон!

— Эй, кочеты кубанские... — начал Гриша.

— Я сибирский! — сердито перебил Костик.

— А, все одно, — отмахнулся Гриша. — Кончай петушиться — к Марусям пойдем!

Предложение понравилось всем — загадели все разом и начали собираться.

— Гитару, гитару не забудь, Гриша — кричал Верезовский.

— У них там есть музыка, — пробасил Гриша, влезая в куртку.

— Пригодится, про запас!

— Ладно, закуску не забудь!

— К черту закуску, где вино?

Шли шумной толпой по леску довольно долго, наткываясь в светлых сумерках на деревья. Говорили все сразу, не слушая друг друга. Потом снова запели. Перелезли через какие-то изгороди.

Наконец прошли в низкие двери и очутились в комнате, где были три девушки. Микулю они показались одинаково симпатичными и милыми.

Подсели к столу.

— Хлопцы, за разведчика! — отрезвевшим голосом провозгласил Гриша — Маруси, вы тоже... за разведчика нефтяного, изяди!

— За нефтяных королей!

— За бурилу!

— За женщин, за женщин!..

Высокая блондинка обняла Костю за шею и что-то говорила ему. Время от времени встрихивала его за плечи, отчего голова парня моталась во все стороны. Он обмяк и чудом держался на ногах, будто спиртное расплавляло ему кости.

Гриша с улыбкой на широком лице топтался около бледной девушки с распущенными волосами неопределенного цвета.

Микуль видел перед собой колышущееся тело пестелой толстушки и думал: отчего у ее платья такой большой вырез на груди? Он так далеко уходит вниз, даже неприлично смотреть. Буровику, может, и полагается такое, и, может, это помогает ему в поисках нефти, а охотику никак нельзя — удачи не будет, все звери и птицы в тайге отворачиваются

станут от него, начнут избегать встречи с промысловиком. На календаре сейчас июль, до первого снега еще далеко — может, еще на охоту вернуться: нужна мне удача, нужна... Может, материн на вырез-то не хватило?! — вон какая блестящая ткань, наверно, дорогая и редкая, в Ингу-Ягуне никто не носит такого платя. А подола зачем такой длинный, мешает ходить — надо оттуда перешить кусок на грудь. Под ладонями туго обтянутая талия, теплая и податливая.

Один Ракович сидел безучастно за столом в обществе бутылок. Печальные глаза, не мигающие, смотрели в одну точку на скатерти.

Михаило ужасно захотелось спать. Он приткнулся к стенке и тут же провалился в черную пропасть.

..Очнувшись в общежитии от влажного утреннего воздуха, ворвавшегося в открытые двери — кто-то вышел. В комнате был только Ракович.

— Ребята где? — спросил Михаил.

— Здесь где-то.

— Голова-то как?

— Я же почти не пил. И тебе не советую. Вчера лихо опрокидывал.

— Сам-то ведь тоже...

— Мэру знаю, да и неудобно отказываться.

— Деньгу копишь?..

Глаза Раковича жестко блеснули, и, помедлив, он тяжело, но спокойно выдохнул:

— Да, коплю...

Наступила яловкая пауза. Михаил пожалел, что ввязался в этот разговор. А Ракович внимательно разглядывал его, будто впервые увидел. Потом отвел глаза и заговорил, тяжело отводя слова:

— Чужие слова повторяешь. Да, коплю. Мне много надо. — Голос дизелиста зазвенел на пределе. В комнате стало жарко. — Но я ненавижу деньги!..

Ракович замолчал, словно споткнулся, как-то сник, надломился. И когда совсем успокоился, начал глухим голосом:

— В армии служил, в южных краях. Все шло нормально, уже домой собирался в Белоруссию, а тут.. ну, знаешь, девчонку встретил... Мать там ждет... Девчонка-то тоже вроде любит. А отец ее ни в какую. Вернее, отчим. Говорит, за такого-то! Одни казенные штаны, да какой он мужчина? А у меня на самом деле ничего, кроме казенных штанов да хатки в деревне. Выходит, будто бы и не человек уже. Ну, я ему руки свои показываю, вот, мол, мое богатство. А он... Руки, говорит, в наше время ни при чем, если башка неважно варит. Вот положи мне, говорит, столько-то, тогда я увижу, что ты за человек. И даже предлагал устроить в одно место: мол, быстро и наверняка. Но тут такое зло взяло меня! Такое зло...

И я решил ему доказать: если есть крепкие руки, ты еще не последний человек, не пешка. Глупо, может быть, все получилось, но иначе я не мог. Махнул сразу сюда, третий год работаю. Как три будет — уеду.

— Сбежал бы с ней! — воскликнул Микуль.— В тайге ищи не ищи, все равно не найдешь! Я знаю такие места, где не ходила нога не только человека — медведя нога не ходила. Надо ружье, собаку, избушку...

— Я что... да она... видишь ли, все же родитель, вырастил.

— Письма-то хоть пишет?

— Как же, я только затем и летаю на выходные, чтоб на почту сходить.

— А после... потом куда? В тайге останешься?

— Не знаю, куда она захочет... А я тут к ребятам привык. Не смотри — пьют, это они от без-

делья. Прилетели на отдых, а сунуться некуда. Клуба нет, фильмов нет, танцы и то раз в неделю. А ребята молодые, крошь играет, развлечься надо, вот и убивают время.— Ракович посмотрел на часы.— Заболтались мы с тобой, шестой час, давай-ка вздремнем еще чуточку.

Когда Микულ проснулся, в комнате никого не было. Во всем теле тошнотворная противная слабость. Хотел пойти пешком в Ингу-Ягун, но не решился. Какими глазами смотреть на земляков? Помытое лицо, мутные глаза, водочный перегар. Что сказать матери? Что делать с сестренками, которые непременно повиснут на нем? Нет, лучше в другой раз...

Сходил на почту, отправил матери деньги. Вернувшись, снова лег: делать-то нечего. Задумался о вчерашнем дне. На буровой эти парни могут работать всем на записи — не нужно подгонять! А на базе, что, каждый сам по себе? Никому ни до кого дела нет? Нет, не может так быть, не должно. На такой отдых лучше вообще не летать — на буровой, в тайге веселее.

...Прилетели на буровую через три дня, утром. Встречи с Надей Микул избегал. Очень ему не хотелось попадаться ей на глаза.

В основном бору около буровой было чисто и свежо. Очень свежо и чисто.

9.

В ночную смену, когда идет бурение и занят лишь один бурильщик, иногда можно выкроить несколько свободных минут и как следует перекурить.

Грипп убежал к насосам, Ракович копался у ди-

зелей, остальные курили. Помазок Вerezовский зепнул со скучающим видом, покосился на Микуля и небрежно сказал:

— А охотник-то наш не промах, всех в дураках оставил — вон какую деваху заграбастал, а!

— А ты что, завидуешь? Сам не прочь?.. — поддел его Костик.

— Это я-то? — удивился Вerezовский. — Нужны они мне — обижаться-то из-за них. Да и не люблю я цацкаться с бабами. Я люблю, чтоб быстро, чтоб раз — и все ясно!

— Ду-урак ты, Везеа! — возмутился Костик.

— Не думай, что ты первый, — Вerezовский повернулся к Микулю. — Тут бывали и побойчее тебя. Она такая же, как...

У Микуля вскинулась рука. Вerezовский поперхнулся, мгновение стоял истуканом, ошарашенный ударом.

Костик замер с открытым ртом.

Противники, сплетясь, уже катались по грязным мосткам. Теперь Костик бегал вокруг них, пытаясь разнять, и во всю глотку орал:

— Гриша, помоги! Гриш!

Вместо Гриши прибежал Ракович, играючи растащил парней. Оглядывая их перепачканные лица, спросил:

— Руки чешутся?

— Продрогли, решили погреться, петухи? — ворчал подошедший Гриша. — Я вас погрею — марш по местам!

После смены Алексей Иванович подозвал Микуля:

— Кулаки, брат, не дело, никогда у нас такого не было и, думаю, не будет больше. Вerezовского не слушай — не со зла, больше от скуки мозолит язык. Слова всегда сильнее.

Микуль молча выслушал бурильщика. Да, на охоте проще.

Спустя несколько дней Верезовский сказал с напускной грубостью:

— Ты... ну, забудь этот случай. Считал, просто играешь, несерьезно с ней. Да и характер у меня дрянй — прилипчивый какой-то.

Микуль подумал, что тут не обошлось без Алексея Ивановича.

Теперь он часто думал о Наде, и от этих мыслей голова шла кругом. Отчего это мысли бегут к ней? Почему она одна идет на ум? В Ингу-Ягуне тоже много девушек из древних охотничьих родов, но ни одна не заставила сильнее заботиться сердце охотника. Может быть, просто был слишком занят? А вот эта Надя... Она и похожа на ингу-ягунскую девушку — немногословная, проворная в работе и не похожа — у нее много дум в голове. И думы все крепкие, основательные: вот захотела стать геологом, значит, станет геологом. Ничего ей не мешает, все она может: женщина, а сильная. Он же, Микуль, никак с собой справиться не может: с одной стороны, чистая тайга, тихий Ингу-Ягун, сестры, мать и бабушка, с другой — черная вода, загадочная лаборантка Надя, любимый учитель Александр Анатольевич. Каждая сторона тянет к себе — куда же деваться охотнику? Опять же старики охотники в Ингу-Ягуне: придешь раньше времени с буровой — засмеют, и пойдет молва о Микуде как об охотнике несерьезном, у которого «слово некрепкое». В селении не любят таких людей. Вот если вернется к первозимью, все рады будут, никто не осудит — человек вернулся на свои угодья, где уже «поспел» и зверь, и птица... Да, хорошо Наде — у нее мысли не разбегаются, по одной тропе с геологами идут.

Но теперь он видел в ее глазах не только весь

мир, но и себя. Это много для Микуля значило — увидеть себя в глазах любимой девушки.

Скоро Микуль сделал еще одну оплошность, как он считал, чуть ли не преступление. Все началось с нового бурильщика Уханова. К новичкам всегда приглядываются — что за человек, чем дышит? А Уханов понравился всем. Правда, буровую он не оглядывал с любопытством — сразу видно, бурильщик бывалый. Не привлек его внимания и могучий сосновый бор, на который засматривались все, впервые прилетавшие на эту скважину. Не заметил он и речушки с березками. Возможно, глаза его наткнулись на это, но в них все отразилось как в холодном стекле запотевшего зеркала. Только на вышке задержавшись его равнодушный взгляд. Сонные серые глазки оживились, остро блеснули, словно наткнулись не на мазутную вышку, а на волшебное дерево с необыкновенными плодами.

— Два года работал бурильщиком, а всего мне двадцать три! — сказал он Кузьмичу.

«На подъем вроде бы скорый, — с удовлетворением отметил мастер, всматриваясь в его маленькое костлявое личико, покрытое едва заметной сеточкой нервных морщин. — Только вот... Всего двадцать три, а посмотришь — старик».

— Отдохни, а с четырех на работу, там опытный бурильщик, пройдешь испытание.

— В главке меня приняли, а не в экспедиции! — с нажимом на первое слово начал Уханов. — Могу сразу!

— Насколько я знаю, в главке нет буровых, — спокойно заметил Кузьмич. — Может быть, сейчас поставили во дворе или где?

— Ладно, уговорил! — поморщился Уханов. — Я к слову сказал, зачем, подумал, время убивать на испытание.

Оказался он парнем общительным, веселым в меру. Быстро сошелся со всеми, знал множество анекдотов, умел их рассказывать. А в таежной глуши особый спрос на хорошего собеседника.

— Дружочек! — фамиллярно, подстраиваясь под его тон, спросил Верезовский. — Скажи, как это ты променял теплые края на холодные? Что, так сказать, побудило на столь благородный поступок?

— Зависть к тебе! — рассмеялся Уханов. — Ты тут деньги лопатой гребешь и ордена получаешь! Не много ли одному-то?

— Перепадает кое-что, но тебе этого будет мало. Больше ничем не интересуешься?

— Вот те крест! — воскликнул Уханов. — Думаешь, за туманом приехал? Прошли те времена, давно прошли!

— Кто тебя знает, может, говоришь одно, думаешь другое. — Может, подвиг совершить. Трудовой или еще какой...

— Насчет трудового я не против! — откликнулся новичок. — До работы я даже злой.

— А дома, что, плохо? — спросил Микულъ. — Хорошая работа, я думаю, везде ценится!

— У нас там жмут нефтяников. Вкалываешь, аж весь в мыле — получишь прилично. А на следующий месяц, смотришь, увеличили норму, расценки не те. Пуще прежнего надо вкалывать, чтобы прилично вышло. Оборудование то же самое, старое, производительность не повысишь. Потом уж мы умнее стали — давали столько, сколько надо, чтоб, значит, не срезали. Тут ведь нет такого?

— Что твое, то твое.

— Выходит, и вы не туманы тут ловите! — Уханов обвел всех торжествующим взглядом. — А я-то думал: романтики тут все. Батеньки, кричу, куда я

попад?! А строители как? Я брата привез, плотником устроил.

— Не прогадал, — ответил Костик.

Вечером, раздеваясь, Костик вспомнил новичка:

— Складно врет, приятно послушать!

— Мало ли что он болтает! — усмехнулся Алексей Иванович. — Лишь бы дело свое знал. А будет неплохим бурильщиком — хватка есть. Суетлив, так то по молодости, со временем пройдет.

Дергает туда-сюда, как на пожаре! — заметил Микула.

— Хочешь, чтобы сразу ровно заработал? — заметил старый бурильщик. — Такого не бывает, опыт со временем приходит, когда руку набиваешь. Когда-нибудь он поймет — от спокойной работы толку больше, чем от спешной. Вот тогда станет настоящим бурильщиком. На словах это не объяснишь. Спешка ведь тоже бывает разная. Когда человек один делает — одно дело. А когда все зависит от многих людей — надо обмозговать, что к чему, как все лучше устроить.

— А как же вы?

— Что я? Думаете, в рубашке родился? Если двадцать лет держишь ручку тормоза — к чему-то должен прийти. Хочешь не хочешь! Так ведь?

— Байщик он первого сорта! — сказал Верезовский. — Только психованный, орет почем зря!

— Но хватка бурильщика у него есть, это главное. А что орет, так все мы не ангелы!

— Я ангел, — сказал Костик. — Иногда летаю во сне!

— Спи, ангел, — улыбнулся Алексей Иванович, укладываясь спать. — Може, ангельша приснится! Или рано тебе такие сны?

— Приснится, я тебя на помощь позову, Алексей Иванович! — засмеялся Костик.

— Куда меня, старика! Вон молодые есть — Гришу или Микуль! — сказал бурильщик. — Спи!

А из соседнего балка доносился хохот — это Уханов развлекал свою вахту.

Новый бурильщик ничего плохого не сделал Микулью, а не лежала к нему душа. Он напоминал таежного зверька норку, шустрого, смышленного, но прихрамывая — откусил палец. Может быть, причиной неприязни послужило ружье Уханова. Микуль считала, что в тайге имеет право ходить с ружьем только охотник, потому что охота его кормит и поит. А тут Уханов извлек из рюкзака разобранную одностволку и пачки патронов. Старательно, как бывалый охотник, почистил и собрал ружье, пояснил: у кореша в поселке перехватил на всякий случай. Кричу, в тайгу еду, как без оружия, ну, он и уступил до осени. Буровки пустили ружье по рукам, рассматривали, словно никогда не видывали такую диковинку.

— Не сезон ведь, зачем тебе ружье? — спросил Алексей Иванович.

— Как зачем? — удивился Уханов. — Тайга все же, я слышал, зверей тут полно, сами под пули прут!

— Не летом же...

— Вы все тут в меховых шапках, небось, щеголяете зимой! — воскликнул новый бурильщик. — В ондатровых! выдровых! лисьих! А я, значит, жди! Непременно к зиме шапку справлю!

— Жалко, Гришиных жучек на базу отвезли, — вздохнул Микуль. — Если бы они были тут, тогда бы точно шкуру добыл!

— Что такое?! Почему так?! — заволовался Уханов. — Ружье паршивое?!

— Удачи не принесет. Загляни в ствол — увидишь! — нехотя сказал Микуль и медленно вышел из балка.

Уханов озадаченно заглянул в ствол, повертел
ружье, пробормотал:

— Ствол, что ль, кривой?!

Буровики снова осмотрели ружье и заспорили:
одни говорили, что ствол и вправду кривой, видно,
погнул его Уханов в рюкзаке, другие, наоборот, уве-
ряли, что ружье в порядке.

— Ружье-то держал в руках? — интересовался
Верезовский. — Может, первый раз видишь?!

— В армии я на «буличью» стрелял, из автомата,
конечно! — серьезно ответил Уханов и тут же пред-
положил: — Аль кореш подшутил, специально под-
сунул, а?

— Это точно. Ты, наверно, не пообещал ему
шапку!

— Наш охотник Микуль собаку на этих ружьях
съел, раз сказал — значит, не будет удачи!

— Это мы еще посмотрим! — пообещал Уха-
нов. — Все в нашей власти — и удача тоже!

Через три дня, когда Микуль выискивал на озере
место для ловли окуней, в одном из заливчиков
раздался выстрел. Микуль поспешил туда. Навстре-
чу ему из прибрежных кустов вышел бурильщик
Уханов и крикнул возбужденно:

— Смотри, одним выстрелом уложил — вот тебе
и паршивое ружье! — и бросил Микулю подстреле-
нную утку. — Все в нашей власти!

Микуль долго вертел его добычу, пощупал клюв
и перепончатые лапки, затем с крыла вытянул боль-
шое перо с синеватым мокрым корнем и стал вни-
мательно разглядывать его, не обращая внимания на
бурильщика.

Уханов сразу же почувал что-то неладное: недо-
верчивые быстрые глазки следили за каждым дви-
жением Микуля, радость на лице сменилась трево-
гой.

— Что, что? — нетерпеливо бормотал он. — Что нашел?

Когда лицо Уханова вконец вытянулось от напряжения, Микуль тихо и мрачно сказал:

— Хаопунец, — и едва не расхохотался в лицо незадачливому «охотику», но сдержался: понимал, если рассмеется, то Уханов уйдет, значит, не поговорить с ним.

— Кто, кто? — не понял Уханов. — Хаопунов?!

И Микуль, подавив смех, принялся объяснять ему, что это утенок, который еще не летает, не окрепли крылья, бегает по воде, хаопая крыльями — поэтому и хаопунцом называют, только хаопает.

— Ну и что — все равно мясо! — пробурчал Уханов. — Все равно утка!

— Мясо?! Да оно такое водянистое, слизкое — мясом не пахнет! — сказал Микуль. — Какое там мясо!

— Чучело сделаю! — нашелся бурильщик.

— И чучело не сделаешь! — обескуражил его Микуль. — Посмотри: корни перьев синие еще, мокрые, хряц только образовался, не окостенели — сгниет чучело, не успеет высохнуть!.. Настоящие охотники никогда не бьют хаопунцов. И ты... Птиц рано стрелять, и зверей рано стрелять, сейчас липняю они все, шерсть обновляют, никакую шапку не сошьешь... лучше не показывай на буровой: смеяться будут; хаопунцом могут назвать — нехорошо будет, неудачу ружье принесет, а тебе разве нужна неудача?

— Куда теперь его деть? — озадаченно спросил Уханов.

— Не знаю, — Микуль пожал плечами, повернулся. — Пойду окуней ловить, хорошо клюют здесь... А тебя я не видел, ты другой дорогой возвращался.

Не минуло и недели, как Жора загорелся жела-

нием поохотиться: выпросил у нового бурильщика ружье и пошел бродить по песчаным бережкам речушки. Вернулся перепуганный и злой — разорвался ствол ружья. Посмеялись бурильщики, успокоили повара, а Алексей Иванович пошутил: это Белая Ночь песок в ствол насыпала, чтоб, значит, не тревожила тайгу; слышал рассказ Микуля, что Белая Ночь стоит на страже тишины и покоя, не иначе, как она осердилась и наказала Жору. А Микуль думал, дай ему волю, он пускал бы сюда искать нефть людей, которые полюбили бы тайгу так, как любит ее настоящий охотник: богатства этой земли должны принадлежать людям бескорыстным и чистым.

Время бежало, и Микуль с каждым днем все больше втягивался в «железную работу». Теперь Алексей Иванович не беспокоился за него, реже показывал ему снизу свои пышные усы — почти не смотрел. Сегодня у Алексея Ивановича разболелся зуб, и он улетел на базу, вместо него вышел Уханов. И Микуль порадовался тому, что придирчивый, жадный до работы бурильщик не может упрекнуть его ни в чем.

Вахта вышла в вечернюю смену. До шести бурили, потом начали подъем инструмента, чтобы сменить долото. Лебедка искрила и жалобно стонала. Уханов решил утереть носы «старикам»: поднять и опустить инструмент, и чтобы осталось время на бурение. «Может, организовать соревнование по вахтам? Это встряхнет их, начнут шевелиться. Инструмент хороший, новый, можно производительнее работать».

Микуль смахнул пот, скинул беретку — новый бурильщик жмет что надо, жарко стало. И вправду, видно, у него есть хватка! И вот, когда в очередной раз верховой защелкнул крышку элеватора и потянулся за новой свечой — люльку так трянуло, что

он чуть не вывалился из нее. Присел машинально и вцепился в бортик. Глянул вниз: над ротором темные полукруглые мазки, будто вырос вдруг лесной цветок, только черный. Такой зловещий, он к тому же издавал резкий шипящий свист. Секунда — и псе пропало! Под люлькой раскачивался пустой элеватор. Необыкновенная тишина давила на уши.

— Где люди, где свеча? Откуда этот чертов цветок? — лихорадочно соображал Микულъ. Зажмурился до боли в глазах и снова глянул вниз. Там по-прежнему никого не было. И он помчался туда. На лестничной площадке притормозил: две фигурки, бодаясь головами, норовили заглянуть в пусто чернеющую пасть скважины. Микулъ припустил еще быстрее.

— Тютю свечечки... в скважину улетели к моей прабабушке, — хмуро сказал Костик.

— Зови мастера, — с усилием проговорил побледневший Уханов. Верхняя губа его мелко дрожала, и он закусила ее. Стал он теперь неприятным и жалким, от былой самоуверенности не осталось и следа — словно подменили.

Мастер Кузьмич с непокрытой головой мчался к вышке. Растоптанные тапки чудом держались на ногах. За ним Костик сапожищами поднял густой пыльный хвост. Спешили сюда и свободные от вахты рабочие.

Кузьмич коршуном влетел на мостки.

— Правда?! — выдохнул он с надеждой и мольбой, пригвоздив Уханова к ротору потемневшими глазами. — Сколько свечей?

— Четыре... и турбобур, конечно, — пробормотал бурильщик.

Стало тихо. Кузьмич медленно поднял руку с часами, долго смотрел на циферблат невидящими глазами и, подавив вздох, сказал очень тихо:

— Пишите объяснительные, идите... Сейчас сме-
на придет.

Вся вахта вслед за Ухановым спустилась с мост-
ков. Когда подходили к балкам, бурыйщик мрачно
сказал: — Пишите, как было. Чтoб ничего лишнего.
Слышите: как было!

Никто не ответил.

Кузьмич спустился с мостков и обшарил все
карманы — искал папиросу, которую только что дер-
жал в руке. Ее нигде не было, а портсигар остался
в балке — идти туда совсем не хотелось, надо побыть
одному. Обнаружил папиросу в зубах — это нежн-
данно обрадовало его и немного успокоило. Нашел
спички и задымил — старые шлепанцы медленно
втаптывали сизый пепел в мазутно-грязный песок.
Спина покрылась испариной, а в голове не было ни
одной мысли. Точно такое же состояние испытывал,
когда вернулся после окончания нефтяного технику-
ма в Воркуту и жена категорически заявила: «Хрен
не слаще редьки — никуда не поеду, сам ищи-свищи
свою нефть, раз к дяде к Джанкойскую экспедицию
не захотел!» И он убедился, что никакие доводы про
перспективные районы — главные козыри разведчи-
ка — не помогут, если уж упрется — то амба! Но
жена женой, а как быть, если трехлетние дочки-
близнецы снятся каждую ночь? Если из двадцати
семи почти десять отданы разведке, если после тех-
никума уже не удовлетворяли масштабы Воркутин-
ской экспедиции на уголь, если за Уралом, почти
рядом, такие кладовые, такие возможности!.. Если
смысл жизни разведчика заключается в открытии
месторождения — все равно, большого или малого!
Если... Но влажная майка на спине отрезвляет, и в
голове все становится на свое место. Да, первая
большая авария... На втором году работы мастером.
В Воркуте проще было — работал помбуrom и сква-

жины на уголь неглубокие... С чего начинал в таких случаях твой отец, у которого вся жизнь прошла на буровой? Конечно, с технической-то стороны всякий бурильщик знает, что рекомендуется делать. Надо, чтобы верили мастеру, верили в его знания... В разведке никто еще не обходился без аварий. Настоящий разведчик всегда рискует, без этого не обойтись. Только опытный мастер сводит возможность аварий к минимуму, но и он не обходится без них. Главное — как можно быстрее выйти из аварийного положения. Если это сделать вовремя — считай, все простят. Но на твоей совести бригада, люди... Сейчас на свечу навернут трубу — переходник, в него — метчик, потом спустят все свечи. Метчик должен попасть в ствол улетевшей трубы — буровой инструмент начнут вращать, и метчик врежется в свечу. Если все будет удачно — можно поднимать. А теперь надо приступать к делу...

Кузьмич втоптал окурок в песок и поднялся на мостик.

— Думаешь, зацепит? — спросил бурильщик Кошкарев, осторожный и хитроватый мужичок с морщинистым старческим ликом пенсионера.

— «Зацепит, зацепит!» — передразнил Кузьмич и, подойдя к нему вплотную, вдруг резко спросил: — А что ты думаешь? Может, магнитом тянуть, а?

— Да... я же не против...

— Помалкивай — раз не против!

Официальное время связи с экспедицией только через два часа — надо успеть выяснить причину аварии. И Кузьмич вернулся в свой балак, просмотрел объяснительные записки.

— Черный цветок? — удивленно спросил он Микуля. — Придумал тоже...

— Но я же видел! — воскликнул тот.

— Со страха тут что угодно увидишь! — вставил Костик. — Я сам штаны чуть не попортил. Такой противный звук был — аж мозги просверлило, будто бомба падает на тебя. В кино бомбы так падают. Уханов кричит — ложись! А сам рванул от пульта. Ну, думаю, человек он армейский, знает, что делает. Ну, и скатился я с ротора, лоб чуть не расшиб. Пронесло. Звук этот чертов пропал, поднимаю голову — нет Уханова. Думаю, может, зацепило его свечой и в скважину уволокло. Жалко все-таки — анекдотчик хороший. Потом вижу — выполз откуда-то. Вся рожа в растворе, самому черту не брат, умо-ра, хохотать некому было. Сообразил я, что свечки улетели. Ну, думаю, прошибут свечки землю и в Америке выскочат. Хорошо, Уханова с собой не уволокли, вот бы американцы подивились на него, чумазого... Ну, я все же не удержался и спрашиваю: «Надя, что ли, раствором угостила? Как она там?» Он, конечно, отправил меня куда следует. Но я не в обиде: очень уж он смешной был...

С Костиком серьезно говорить нельзя. Тут такое на душе, а он зная себе смеется. Привык, наверное, к железу. А вот Микуль все еще не может привыкнуть, все шишки на него валятся — эта авария, драка, прогул, потянул черт на рыбалку; карасей захотелось.

Ночью Микуля вдруг словно озарило: «Может, я плохо захопнул крышку элеватора, поэтому свечи убежали в скважину? Уханова считают виновным, потому что бурильщик, отвечает за все. И все торопил, торопил — разве Микуль виноват в этом? Что же делать? Если их не вытащишь — надо, говорят, начинать новую скважину. Почти две тысячи метров пропали. Вон как побледили Кузьмич и Уханов, потемнел лицом Гриша, стал костявее и злее Верезовский, померачнел «директор» Жора... Может, как

раз подбирались к нефти, и тут... Сколько, однако, сил потратили, сколько же времени... И все может быть, из-за одного человека — крышку проклятую плохо закрыл! Тогда, выходит, я виноват...» Привязалась эта мысль и не давала покоя: скреблась, скреблась, отпугивала сон-колонок. Надо, видно, сказать, что Уханов не виноват, а виноват он, Микულъ. Но стоит ли об этом говорить?! Кто, кроме него, верхового, знает, что виноват он?!

С детства Микулъ лжи не знал и сейчас подумала, что предкам легче было прожить честно, поскольку тогда не знали ни буровых и нефти, ни аварий и разведчиков. Но тут пришла мысль, что они, как Микулъ, не учились грамоте, не читали книг, вроде бы спрос небольшой, а тем не менее...

Микулъ вышел из балка: все равно не уснуть. Ночь теплая, темная и мягкая. Тихо урчит буровая. Выцветшими от дождей стенами белеет женский балок. Надя, верно, спит, как младенец, улыбается или хмурится во сне. Кажется, впервые помирились тайга и буровая. Помирились ненадолго, до утра, но какая тишина и покой! И со всем этим придется распрощаться. Пожалуй, с позором прогонят с буровой. И Надя будет смотреть насмешливо, со скрытым презрением, как в первый день. Стоит ли рисковать? Кто узнает, что именно он совершил аварию? А Наде ведь не соврешь... И оранжевый колонок не вернется к человеку с нечистой совестью, не вернется.

Мастера Кузьмича он разыскал на мостках и, обреченно вздохнув, выложил все, о чем думал.

— Чудак ты, чудак! — удивился Кузьмич. — Как с открытым элеватором бурильщик поднял свечу? Как бы наращивал ее, а? Свеча вывалилась бы прежде, чем он успел поднять. Думаешь, если мастер, так только перебирает бумажки и орет в радио-

телефонную трубку. Я, брат, сам на буровой вырос — от буррабочего до мастера, так что не забыл еще, чем дышит верховой, бурлящий, дизелист. Так-то, друг любезный... А виноват здесь Уханов, спешил, не дал хорошую натяжку — блок с элеватором раскачивался. Палец зацепил крышку элеватора — вот она и раскрылась. Не видел, что ли, согнулся палец-то?..

«А ведь верно,— подумал Микуль,— как же я раньше не догадался об этом. А еще верховой! Считаю, что все уже узнал!..»

Утром на буровую нагрянули всевозможные комиссии, крупное и мелкое начальство, специалисты по авариям, по технике безопасности, противопожарной системе. Никто из рабочих и не знал толком о них. Буровая словно вот-вот должна взлететь на воздух, и эти специалисты призваны предотвратить катастрофу. Во главе этой армии главный инженер Покровский, круглый маленький крепыш, необыкновенно энергичный и быстрый. Буровики любили его за преданность разведке, за твердый нрав.

Придется и выадоропевший Алексей Иванович, спокойный и неторопливый.

— Ну, что, хлопцы, заварили кашу? — спрашивал он, натягивая рабочую спецовку. — Что носы-то повесили? Авось, не полегчает от этого. Кузьмич, наверное, виноват: молодой еще, вот и нагнал тоску. А она, други, плохая помощница разведчику, плохая...

— Теперь полегчает! — уверил Костик, и рот его растянулся в улыбку.

Все смешалось на буровой: в одну смену выходили сразу две вахты, не замечали, когда уходит солнце и приходит белая ночь, когда наступает время ужина и завтрака — «директора» Жора всегда на месте, напрочь забыли про отдых и выходные дни,

не искали ни правых, ни виноватых, не замечали ни комаров, ни мошкар — не до того было: надо спасать скважину. Буровая, как один богатырь-разведчик, боролась, по выражению тети Веры, с той «не-чистой силой, что свечки уволокла в преисподнюю».

Противники пока были равные — ни та, ни эта сторона не хотели уступать. Борьба становилась все ожесточеннее.

...Микуль отшвырнул каску в угол площадки: сегодня он окончательно убедился, что невозможно в ней работать: голова становится огромной, как надутый шар. Каска задевает все, что есть поблизости, и при этом гулко звенит. Словно это звенит не каска, а голова, которая совершенно пуста. Тут можно и взаправду тронуться.

Снизу прибежал Костик тоже в каске.

— Совещаются! — Костик махнул вниз. — Вот я и смылся на минутку. Этот Покровский знаешь какой — он с нас все жилы вытянет! И не уедет, пока аварию не ликвидируем.

На мостках около главного стояли Кузьмич и Алексей Иванович. На Покровском мешковато сидела новая синяя телогрейка. На коротко стриженной макушке круглая черная беретка. Левая рука в кармане, правой инженер энергично жестикулировал, будто рубил фразы. Сверху совсем круглый — чистый колобок из детской сказки.

— Нас заставил надеть проклятые котеаки, а сам без каски стоит. Давай спустим ему на голову кусок глины, сразу каску наденет, — предложил Костик. — Пусть узнает, каково в этом котелке! Настоящий буровик надевает каску два раза за смену — когда на смену идет и когда обратно.

— А если череп пробьет? Не надо, где такого главного потом найдешь?

— А пусть не бегает за моей сестрой Зинкой.

— Лучше скажи, что там про аварию говорят —
вытащим или нет?

— Обязательно, а если нет, передвинем буровую
и рядом новую скважину начнем. Покровский так
говорил, но до этого не дойдет, вот увидишь!

Тут Костику помахали, и он умчался вниз.
А Микуль вспомнил черный цветок, что несколько
мгновений висел над ротором в день аварии. Он
знал теперь, что это был след свечи, которая, вра-
щаясь, уходила в скважину и оставляла черные кру-
ги. Но ему казалось, что это было видение нефти в
образе черного цветка — из земных глубин нефть
подала свой знак только ему, верховому. Может
быть, новое месторождение? Такое же, как Само-
тлор?..

А несколько дней спустя длинная металлическая
трубка — грунтоноса — принесла из двухтысячмет-
ровой глубины керн — плотно опрессованный кусок
песчанника и глины с бьющим в нос ароматно-чистым
запахом бензина...

Многопудовые свечи показались послушными и
легкими.

...В девять вечера зацепили улетевшие с турбо-
буром свечи. Начался подъем инструмента. Лебедка
не искрила, дизели гудели без надрына, равномерно.
Поднимали с большими предосторожностями; не дай
бог, метчик плохо нарезал резьбу и свечи снова
отвалятся. Мастер Кузьмич и Покровский не ото-
шли от буровой.

Но все обошлось благополучно.

Уханову объявили выговор. «Поспешил, конеч-
но, — говорил он своей вахте. — До работы я даже
злой, но невезучий, да еще это чертово ускорение
подгоняло, поспешил, а не то показал бы, как надо
работать — всеобщий рекорд тут можно поста-
вить! Но я добыюсь своего!» Через неделю он пе-

ревался в другую бригаду. Разведчики сразу же забыли о нем, только изредка вспоминали его анекдоты.

10.

Поутру мастера Кузьмича разбудил отчаянный вопль:

— Вай-вай-вай! Ма-а-ма! Вай-вай!..

Тут вопль перешел в истошный вой, будто кого-то жарили на костре. Кузьмича словно сдуло с постели — в одних подштаниках бросился на помощь. Вылетел из балка и остолебенел: в окно кухни наполовину влез огромный бурый медведь и глотал что-то кроваво-красное. Кузьмич похолодел. Но надрывный стон из кухни отрезвил его — надо спасать попара Жору. Кузьмич крутанулся на месте — чем бы огреть нежданного гостя: но под рукой ничего не оказалось, нет даже простой дубинки. «Собаку, Чомбе!» — сообразил тут Кузьмич и кинулся в балок.

Повар Жора, встав минут пять назад, сонно гремел кастрюлями, жмурился и сладко зевал. Повернувшись к окну, окаменел: мохнатая лапа разрывала марлю в окне и тянулася к мясу на столе. Жора выронил нож и попятился к дальнему углу кухни, добрался до электроплиты, вскочил на нее, опрокинул сапожищами кастрюлю с жирным вчерашним борщом, заскользил, потерял равновесие и плюхнулся на горячую плиту. Вывыл, затрепыхался, будто карась на сковородке, и скатился на пол под дружный звон кастрюль и бачков.

Медведь, тихонько рыча, отправлял в пасть кусок за куском...

Кузьмич вытащил на улицу щенка Чомбе и стал науськивать его на зверя. Но щенок задрожал пуще

хозяина и, как только тот выпустил его, бросился под балок и жалобно завыл.

Микуль, чуткий к собачьему лаю, сразу проснулся и понял: что-то случилось — щенок выл хрипло и прерывисто, словно хотел замереть, врасти в землю, но в то же время от страха не мог молчать. Микуль быстро оделся и выскочил на улицу.

Медведь обрадовал его, словно встреча со старым приятелем. «Жору грабишь, озорник ты этакий! — усмехнулся Микуль. — Тоже притащился на железную работу, не побоялся пекла — ай да пупи!»¹ Медведь подслеповатыми глазками покосился на охотника, заурчал тихонько, что означало «не мешай», и продолжал свое дело. У Микуля мелькнула озорная мысль: копьё! Ведь дед Кавахн-ики всю жизнь ходил на медведя только с копьём, ружья на буровой все равно не было, не сезон. Микуль кинулся к стене кухни: там под бревнышками и мусором лежал железный прут с заостренным концом — чем не копьё! Он начал раскидывать пустые ящики и щепки, добрался до «копья», потянул, но один конец запутался в проволочной катушке.

Медведь угрожающе рыкнул — не подходи!

Рабочие еще спали, поднимались только к завтраку.

Кузьмич метался на расстоянии от медведя и размахивал руками, словно крыльями ветряной мельницы: «Жив ли повар? Что делать с медведем?!» Он лаял по-собачьи, рычал по-львиному, наконец выхватил тазик и забарабанил по дну его кулаком, дабы взять зверюгу на испуг. Но медведь и не думал бросать свою добычу: видел, что человек

¹ Пупи — медведь. Так называют его только опытные охотники, но не женщины и дети (хант.).

безоружен — значит, не опасен, он лакочился свежей говядиной, предназначенной на обед.

Когда Кузьмич уже совсем вышел из себя и готов был кинуться на медведя с кулаками, из балка выскочила лаборантка Надя с ковшиком воды. Сообразив, в чем дело, Кузьмич пулей влетел в женский балок, вырвал горячий титан и мигом назад. Тетя Вера, руками прикрыв грудь, смотрела вслед мастеру и шептала бледными губами:

— Спятил, что ли?.. Осподи, осподи, спятил!.. Лает опять!

Но Кузьмич опоздал: медведь с поем мчался к лесу.

«Вот это девушка! — с уважением подумал Микуль. — Настоящая жена охотника!»

— Ошпарилась?! Молодец! — радостно завопил Кузьмич. — Вот молодчина, золото, а не лаборантка!

— Где Жора? — прервала его Надя.

Они молча ринулись в кухню: у плиты, гремя посудой, корчился повар.

— Ай, Жорочка, живой! — обрадовался мастер.

— Душа не живой, зад не живой! — простонал доблестный повар.

— В зад укусил? — побледнел мастер.

— На, на кусал!

— Кажется, он обжегся! — заметила девушка.

Они взяли повара под руки и повели в балок. Тут прибежала вахта, работавшая в ночную смену.

Встали рабочие, поднятые суматохой. Увидев повара, все оживились:

— Ура, ребята, вот он, живой!

— Раз живой, будет завтрак!

— Мишку зря упустили, шашлычок бы...

С повара сняли штаны и уложили на полку. Кузьмич, смазывая его ожоги, пробормотал:

— Слава богу, легко отделался!

Жора неожиданно завозился и вскричал:
— Бруки, бруки... Новые бруки!
— Радуйся, голова на месте! — проворчал мастер. — Медведь из тебя шашлык чуть не сделал, а ты — бруки, бруки...
— Два глазочка на твоих брючках! — порадовался Костик. — Это подарочек от мишки. А ты хорохорился: «Я — охотник!» — вот он и пришел.
— А бруки он надел ради новой лаборантки! — ухмыльнулся Везовский. — Стрелки какие навел — медведя можно было зарезать!
— Теперь амба! Смотреть она не станет, опозорился! — подвел итог Костик. — Может, «Москвич» спасет положение?! Одес-са!
— Пошли вы все... — выругался Жора.
— Не помогли брючки! — допекал Жору Везовский. — Вон Кузьмич все утро носится в подштаниках, — он покосился на мастера, у которого кальсоны были не первой свежести, и ничего, успех имеет у женщин.
— Небось, сами дрыхли, когда медведь уминал мясо? Или за шкуры свои дрожали?! — беззлобно огрызнулся мастер.
— Вай, болит! — задыхался Жора. — Как спать, как?
— Ничего, на брюхе полежишь, полегчает, — успокоил Микуль...
— Хорошо-то — не надо по утрам будить! — протянул Везовский. — Я его по утрам кое-как поднимаю. Медведя и то быстрее разбудишь...
Несмотря на ожоги и подпорченные бруки, Жора стал героем дня. Провалился до обеда, но ужин приготовил. И уже сам весело рассказывал про утренний визит медведя.
Вечером, когда Микуль и Надя сидели на берегу речушки и в наплывающих сумерках прислушива-

лись к мелодичной песне воды, девушка вдруг тихо спросила:

— Ты зачем так близко к медведю подошел! Он мог тебя пристукнуть...

— Он же смирный! — улыбнулся Микуль. — Не хотел он драться.

— «Смирный»? — изумилась девушка. — Откуда ты знаешь, что он смирный?

— У него уши были! — удивился Микуль тому, как это можно не знать, злой медведь или смирный.

— У всех зверей уши есть, разве написано на них, какой он есть?

— А у медведей иногда не бывает ушей, — принялся объяснять Микуль простую истину. — Если не видно ушей, прижаты к голове — значит, опасный это медведь, и не отступит: кто-то один победит — он или человек. А если уши видны, торчат в стороны — значит, не тронет человека, нет у него в голове плохого...

— А мне так страшно было! — призналась Надя. — На уши совсем не смотрела... Раньше я видела медведя только в зоопарке. Там он такой добренький, забавный!

— Он и в лесу добрый, только очень сердится, когда его ругают или дразнят! — говорил Микуль.

Вскоре Жора, неожиданно для всех, уволился и уехал.

11.

Заступила в свои права Луна Спелой ягоды¹. Жадно вдыхал Микуль запах прелой листвы, тянул к себе озолоченное заречье, поблекшее болото, посвежевший сосновый бор. Давно переспела и «капнула» в мох царица болот — янтарноголовая морош-

¹ Луна Спелой ягоды — август.

ка, побледнела и сморщилась сладкая голубика. Но теперь набрали силу бордовая брусника в сосняках и огненноглазая рябина в затихшем чернолесье, а голосистые кедровки, припасая орехи на долгую холодную зиму, от зари до зари пересвистывались — славили божественное дерево — кедр. Олени рысцой носились по борам, гонялись за жирными аппетитными грибами, щедрым даром этого времени года. Сурты хорят — полторагодовалые самцы, готовясь к любовным играм, терлись о стволы сосенок — снимали с окостеневших рогов бархатную кожицу. Бесстрашно тарасили глаза еще глупые выводки рябчиков и глухарей. А по утрам выпадал такой иней и лес становился таким звонким и чистым, что так и подмывало пуститься в таежные дебри с ружьишком. Но Микуль теперь знал, что здесь он как бы в упряжке, в яхте, где все рабочие взаимосвязаны. Если один плохо тянет — тяжесть ложится на плечи других. Об этом говорил ему и Алексей Иванович, когда Микуль убегал за карасями в изумительную Белую Ночь.

Но все-таки беспокойство осторожно закрадывалось в душу: даже ночью он чувствовал всем телом, как с севера из-за далеких болот надвигается на тайгу осень, а за ней — день первозимья, самый дорогой для охотника день. Вот и снятся уже легконогие олени, хрусткие серебряные снега. Новый год и дедушка Канахи-ики.

У каждого человека должна быть своя песня, сначала детская, а потом взрослая. Микуль еще не сложил свою песню. А дед Канахи-ики, бывало, пророчил внуку счастливую песню, быть может, самую счастливую, какая когда-либо звучала на земле. О чем эта песня? О жизни и о счастье. Может быть,

о тайге и о нефти. И сегодня ночью дед напомнил, чтобы внук побыстрее сложил свою думу-песню. Микулю приснился зимний сон. Он увидел, как упряжка деда мчалась за звездами, обгоняя быстрые ветры, деревья и снежный вихрь. Застоявшиеся олени, словно крылатые птицы, парили меж высоких облаков. На их гордых рогах запуталась улыбчивая, унытая декабрьским морозцем, круглоликая Луна. Она чуть покачивалась в такт оленье-му бегу. И охотник не решался поднять хорей, чтобы не зацепить ненароком небесное светило, так ярко освещавшее дорогу и путника.

Он спешил, он очень спешил в свой таежный Поселок. Сегодня весь день наряжали в школе елку. А вечером, когда спустятся сумерки, зажгутся фонари и вокруг елки пойдет хоровод, поскачут зайчики, медведи, лисы и другие неведомые звери-птицы.

Среди них, конечно, будет и его внук Микуль, спрячется за «лицом» какого-нибудь зверя. Но дед, на то он и следопыт, все равно узнает внука среди детворы. Поглаживая седую бородку, будет сидеть у стены среди охотников и смотреть, как резвятся дети. Уши ловят негромкую музыку, детский смех, серебряный звон слочных игрушек и шелест снежинок о стекло школьного окна. Ему уже видится, как после праздника внук принесет ему диковинный кулек с подарками Деда Мороза, и он умчит мальчишку в свое охотничье зимовье, чтобы за время каникул познакомить его с языком тайги.

Так было в прошлый год, так будет и в этом году!

Старик взглянул на звездное небо и тихонько запел. У него было три думы, три песни. Первая дума-песня уведила его назад, в далекое прошлое. Вот в такую же гулкую прозрачную ночь он вытащил отца-охотника из медвежьей берлоги, куда тот

провалился в темноте, до восхода Луны. Потом затащил его обратно, ибо без огня в тайге не просто выжить, а в берлоге хорошая подстилка. Сидел и ждал утра, и не знал, что ждет Дня Нового Года. В его народе тогда и слухов не было, что есть такой праздник — Илып Ол Хатл — День Нового Года. Знали только одно, что в середине зимы медведь просыпается в берлоге, пососет «большой палец», поворачивается на другой бок и снова засыпает до весны.

Вторая дума — это песня о себе. Вот рождается День Нового Года, вот я мчусь на упряжке белых оленей за этим днем, вот я мчусь так быстро, что подгоняю хореем золотую Луну. Но я, видно, все старею, все старею, старею: сегодня бежал за огненной хитрой лисой и совсем позабыла про День Нового Года, но лиса вдруг напомнила мне об этом, и я бросился домой запрягать оленей — спасибо лисе! Пусть и она, и заяц, и белка, и соболь проворный встречают и провожают этот большой День. А я встречу этот День с внуком у красивого и веселого дерева, которое зовут елкой.

И третья дума — это песня о внуке. Он учится в самом Большом доме Поселка, который, как и человек, имеет два имени — Школа-Интернат. Он, внук, уже одолея следы-строчки в толстой мудрой книжке «Букварь», и теперь ему все под силу...

Тут он оборвал свою думу-песню, повернул старческое лицо на небо — Курынг Воих¹ находился почти над головой: скоро придет на звездной упряжке День Нового Года.

Старик взмахнул хореем — олени рванулись впе-

¹ Курынг Воих — буквально: леший (ногастый) зверь — созвездие Большой Медведицы (хит.).

ред. Далеко, между стволов сосен, замаячили огни Поселка. Там он услышит продолжение думы-песни о внуке...

Удивлялся Микуль: до нового года вон сколько дней, а надо же — зима уже напоминает, чтобы он вернулся на делову тропу, чтобы сложил свою песню. А дед? Мудрый был старик, обо всем у него своя песня, а какую он песню сложил бы про буровую, про внука, который ушел на «железную работу»? Ведь он многое понимал и смотрел на жизнь как на восходящее солнце — в тайге становилось все теплее и светлее.

Тут с грохотом распахнулась дверь, и в балок ворвался Костик.

— Микуль! — заорал он радостно. — Я лосей убил! С бо-о-льшими рог-тами! Пойдем, разделать надо, ты умеешь! Тут недалеко, на бору. А рога-то, рога! Вот какие, глянь!

— Настоящий охотник так не кричит, — спокойно заметил Микуль. — Есть удача — хорошо, нет удачи — ничего не сделаешь. Не показывай радость и горесть, при себе надо держать...

— Не могу я держать! — вопил Костик. — Первый раз я лося убил. А рога-то! Жора не угостил шашлычком — я вас накормлю!

Микуль отыскал свой острый охотничий нож, сунул за пояс топорик, чтобы срубить жерди для переноски мяса, и вышел из балка.

Собрались все свободные от вахты рабочие и двинулись за Кости́ком. А тот не чуял под собой ног, захлебываясь, рассказывал:

— Их там было десятка полтора, смотрю, бегут прямо на меня. Ну, я сначала испугался, про тозовку забыл, рябчиков выслеживал. Потом вспомнил — рванул с плеча — хлебысть! — Не попал, руки тряс-

лись. Потом еще — и опять мимо! А они уже близко. Тут я свалил одного, потом еще двух. Аж в жар бросило! В такой азарт вошел, в такой азарт! Кончились патрончики, а лося-то убежали, не то бы я всех перестрелял, на год бы мяса хватало! Во... я вам не Жора!

— Ты даже рябчиков нам не приносил... — кричал Алексей Иванович. — Посмотрим, посмотрим, что ты добыл!

— Мне тоже что-то с трудом верится в твою добычу, Лирин, — сомневался Кузьмич. — Когда-то и я ходил на лосей, знаю, как их берут.

— По-моему, он там Гришиных жучек перестрелял! — вставил Верезовский. — С радости они рогами показались.

— Не верите?! — кричал Костик. — Сейчас, сейчас! Вон, за теми кустами!

— Ты бы вместо лосей Жориного медведя разыскал, раз такой лхой охотник, — пробасил Гриша Резник. — А что лося — они не рычат, когтей у них нет!

— Доберусь и до медведя! — пообещал Костик. — Когти-то у него есть, зато рогов нету! А рога мне — первейшее дело!

Микуль молчал. А когда увидел добычу Костика — трех подстреленных почти в упор оленей — двух вяденок и олененка, у него перехватило дыхание. На уши тяжело давила тишина. Взгляд бессмысленно рыскал по поляне, перескакивая с туши на тушу, остановился на оленях с белой отметиной на лбу. Она замирала на мгновение и снова начинала бить копытом по кроваво-обнаженному корневищу сосны. В глазу, все еще выразительном и живом, металось опрокинутое небо, а на ресницах сползала предсмертная капля — в ней билось далекое беспомощное солнце.

Рука сама собой потянулась к топорiku..
 Женщины завизжали. Кто-то истошно закричал:
 — Хватай, убьет!
 — Держи, держи, сумасшедший!
 — Что ты хватаешь, нет топора у меня!
 — Вали всех!
 — И — эх!..
 Когда из рук вырвали топор, Микуль, наконец,
 обрел голос, закричал:
 — Лайм, лайм!.. Мых амп!.. Топор! Где топор?!
 — На кой черт тебе топор?
 — Зачем олениху мучить — давай топор!
 В кустах отыскали топорик.
 — Ты г...о охотник! Г...о человек! — Микуля
 словно прорвало. — Пошто домашнего оленя убил, а?!
 Пошто стрелял, говори?! Где твои глаза? Где твой
 ум?!
 — На лбу не написано..
 — Как не написано?! Как?! Слепой, что ли?!
 На ухе написано: видишь, видишь — пос¹ есть! Ле-
 вое ухо — пос, правое ухо — пос! Видишь, а? Пошто
 ружье поднимал? Пошто не думал, а?! Где оленя
 возьмешь, а?! Где..
 — Деньги..
 — Трактор купишь, вертолет купишь, а оленя
 где возьмешь, а?! Трактор пои-корми, вертолет кор-
 ми-пои, олень сам кормит человека! Понимаешь?!
 У трактора шкура есть? — Нету! У оленя — есть!
 У трактора есть мясо? Нет у трактора мяса, у оленя
 есть! Худой ты, однако, человек, Коска! Сердце
 худое, ум худой, весь худой... У какого лося ты видел
 такие рога?! Лосиный рог в твою... не полезет, а
 этот в самый раз подойдет..
 — Да Костик, отмочил ты номер... — покачал

¹ Пос — метка (хвнт.).

головой Кузьмич.—Как-то теперь расхлебывать надо.

— Я... хотел...— пробормотал Костик, опустив голову.

Алексей Иванович молча тербил ус. Остальные тихонько переговаривались: как быть?

— Сначала надо захлебать, а потом уж расхлебывать!— предложил Верезонский.— Зачем добру пропадать? Где наш охотник-то? Не хватила его кондрашка?!

Но Микуль уже давно плюнул на все и умчался прочь. Потом, немного успокоившись, вспомнил, что ни один буровик, пожалуй, не умеет по-настоящему разделывать оленя. Чего доброго, начнут с внутренностей, все перепачкают, а шкуру уж обязательно попортят—кто лучше охотника управится с этим делом?! Опять же... сыщется хозяин—шкуры всем нужны, из них сошьют малицы, шубы, кисы. Может, это Степановы олени?! Вот так удружили! А метки есть—хозяин найдется, шкуры нужны будут.

Микуль вернулся на поляну, взглянул на метки—совхозные олени. Чьи бы ни были—все равно теперь не оживишь.

В последующие дни ходил он мрачный, ни с кем почти не разговаривал. На вышке тоже кое-как разворачивался: словно лопнула в нем какая-то пружина, без которой на «железной работе» невозможно выстоять. Опять снились Ингу-Ягун, дед и лесные звери-птицы в первозимье. И каждую ночь две пажей и олененок, только живые.

И опять заартачился ораяжевый колонок, нелюбили его крепкие думы-раздумья: куда ты смотрел, таежник, когда под боком убивали домашних оленей? На то ты и хозяин, чтобы следить за порядком в тайге. А может, на каждую буровую определить охотника, который смотрел бы, чтобы не обижали

зверей и птиц, не портили реки и озера? Он бы учил буровиков, показывал им, где домашний олень, а где лось. На какого зверя в какое время года ходить. И добывал бы для буровиков рыбу и зверя — порядка в тайге больше будет... Раньше об этом он, Микуль, не думал, вот и не сберег доверчивых оленей, не сберег. На его совести они — мало рассказывал буровикам о тайге. Но кто мог предположить, что есть человек, который оленя от лося не отличит?! Даже слепой по шагу определит, какой зверь идет. Эх, есть же люди. Вот хотя бы взять Степана, ведь недалеко живет, его бы сюда, на буровую. Легом грозился буровую сжечь, если реку попортят. Дело дурное, сжечь можно быстро, но от этого река не вычистится вдруг, олени не оживут, умершие деревья и травы не зацветут! Значит, надо раньше думать об этом: вчера — о сегодняшнем дне, сегодня — о завтрашнем. Может, тогда больше начнут уважать друг друга буровая и тайга?

Когда уходил на Ингу-Ягуна Микуль, думал, что тайга — это один мир, а буровая — совсем другой мир. А на деле-то, оказывается, буровая не может без тайги: она брезентовой трубкой пьет воду из реки, вырывает с корнем столетние сосны, которых тут же играючи «пережевывает», ее люди любят полакомиться мясом таежных зверей и птиц, рыбой озерной и речной. И даже пустить корни — нужен клочок таежной земли. Выходит, вроде бы ушел с охотничьей тропы, да недалеко ушел.

Тяжелела голова Микуля от дум, надо бы в Ингу-Ягун, посоветоваться, поговорить со стариками. В последний раз, когда ездил в селение, Раковича с собой взял. Тогда, помнится, сам больше говорил, нежели других слушал. Правда, Раковичу селение понравилось, теперь он с Микулем будет ездить на выходные в Ингу-Ягун.

А лес все тянет к себе, тянет.

Сегодня Надя позвала его по грибы. Что ж, хоть это дело и не мужское, Микуль рад и без ружья побродить по тайге: чуял, с ружьем пойдешь, так раньше недели не вернешься, а тут все-таки Надя, рядом с ней всегда было как-то спокойнее, хорошо на душе.

Август со всех сторон обступил буровую. В эту пору лучше золотистых сосняков нет уголка. Яркоголовая брусника выжила на светлом ягеле дивные узоры, словно искусная умелица-хантыйка, прошлась иглой по шкуре белого оленя — наступить некуда. Микуль тянул Надю за рукав, показывал:

— Смотри, смотри — тут целая картинка из сказки: вон чум, нарты, а вот это лук со стрелами! Видишь?

— Я чум настоящий не видала, — призналась Надя. — Посмотреть бы, что это такое — так интересно!

— Покажу, когда будет зима! — пообещал Микуль. — А канг¹ все-таки вкуснее, грибы не то. Каждому свое: грибы — белкам и оленям, канг — человеку. Смотри, в развилке дерева гриб — это белка сушит, зимой есть будет. Нельзя ее обижать — вот и не трогали грибов наши предки, белкам и оленям оставляли.

— А бруснику звери не едят разве?

Немного подумав, Микуль пояснил:

— Медведь любит бруснику, рябчики-глухари тоже едят, бурундук ест. Но брусники-то много — всем хватит, а грибов мало — всем не хватит!

— Ох, и хитрец же ты, Микуль! — засмеялась

Надя. — Успел уже придумать?

— Не я придумал, тайга так придумала.

¹ Канг — брусника (хант.).

Влажный ягель не крошился под ступней, как в летнюю жару, а сжимался мягкой губкой. Следов не оставалось — словно в сказке, парили по воздуху. Иногда сходились плечом к плечу, но вдруг спохватывались: грибники так не ходят — и быстро расходились.

— Ой, в какую глухомань пришли, буровую не слышно! — забеспокоилась Надя. — Мы не заблудимся тут?!

Микуль огляделся, повертел головой, показал рукой:

— Там наш дом!

— А как узнал?

— По солнцу.

— Солнца ведь нет, за облаками оно! — удивилась Надя. — Как же определил?

— Ну... это... я чувую, где солнце, если даже его не видно. А ты разве не чувствуешь солнце?

— Нет, я не узнаю. Давай ты покрутись, я тебе закрою глаза, и скажи, где солнце? Хорошо?

Микуль не решался пошевелинуться: удивительные руки у этой девушки — пахнут свежей брусничкой и солнцем, белым грибом и духами и еще чем-то таким родным и близким, что он вдруг позабыл, зачем и откуда взялись эти руки.

Быстрокрылой гагарой пролетело время, уже вечер стал наползать на тайгу.

Солнце, просунув в рваные облака короткие медные лучи, закатилось за горизонт, исчезли резкие тени. Свет в лесу мягкий и ровный, а воздух густой-прегустой и словно осязаемый. Надя остановилась у старой дуплистой сосны, прислонилась к замшелому стволу и закрыла глаза. За кроной дерева скрывалось бледнеющее небо. Под деревом сухо и тепло. Таежный воздух мягко обнял притихшую под сосной пару, опьянил ее свежестью и чистотой.

Микуль слушал тишину. Ничто ее не нарушало: даже дыхание девушки — настолько оно было легким. Ему показалось, что он один, ее нет рядом. И все это только сон. Микуль поспешно подвинулся к ней, плечом ощутил кору старого дерева и лишь потом — на расстоянии — тепло ее руки, но чувство отрешенности от всего мира не проходило. Он все-таки один под мудрой сосной. Надя же часть его, она — это он. И ничто в мире больше не существует. И никого, и ничего до них не было. Сердце заби-лось часто и сильно.

«А теперь узнаешь, где солнце?» — мысленно спросила девушка.

«Узнаю», — он словно угадал мысль-послание и привлек ее к себе.

Она видела, как попятилась старая сосна. За ней ринулся весь сосняк. Из белесой дымки выплыли звезды. Они смотрели и молчали. Молчали они столетия и, может быть, еще столько же будут молчать. Будут молчать и мудро смотреть на землю. Но и они забегали все быстрее и быстрее, будто этой августовской теплой ночью все они сошли с ума. Они оставляли за собой горящие серебром линии, которые сливались воедино. Потом небо пропало — осталась светлый вихрь обезумевших звезд...

А потом звезды медленно возвращались. Сосны загадочно шептались меж собой. Было светло и легко, как бывает легко и светло только после первого поцелуя.

12.

По вечерам собирались у мастера Кузьмича. Приходили все, свободные от вахты — скоротать вечер. Тетя Вера приносила помятый чайник.

В него высыпалась вся пачка чая, отчего напиток получался черным и горьким. Появлялись конфеты и пряники.

Сегодня было многолюдно, Микуль играл в шахматы с Гришей Резником. Дизелист Ракович молча наблюдал за игрой, ждал своей очереди. После поездки на базу Микуль как-то незаметно подружился с ним и часто забегал под навес, смотрел, как дизелист ухаживает за своими сильными работающими машинами. Они словно были живые — у каждой свой голос, свой характер, даже аппетит разный, не одинаковый. Ракович взялся учить его машинному делу и оказался толковым учителем — объяснял все коротко, самое главное. И вскоре Микуль научился запускать дизель и следить за режимом его работы.

Сейчас Ракович не просто ждал своей очереди, он «болеал» за своего ученика. Когда Микуль делал неправильный ход, он приподымался — и кряхтел, но молчал.

Алексей Иванович занял свое место возле столика с радией и шуршал газетой. Надя Васильева примостилась на скамье, у окна, и крутила ручку транзистора. Остальные сидели с кружками. Костик пил и причмокивал:

— Ну и чай-ёк!.. Давно я не пивал такого!

— Что ёкаешь, запечный егерь?! — зацепился Вerezовский. — Вот придет Степан — он тебя таким чайком напоит — екнуть не успеешь!

— А у тебя что — душа за меня болит?! — насмешливо спросил Костик. — Спасибо, спасибо. Не ожидал!..

— Дай тебе бог егерского здоровья еще на один поход! — не остался в долгу привередливый помазок. — Кружку давай быстрее, час уже держишь, ждут люди...

— Ишь, «люди ждут»! Если приспичило — бегай за своей — недалеко!

На их перепалку не обращали внимания.

Тетя Вера бессознательным движением поправила прядь светлых волос, хотя они и так хорошо были уложены, осторожно, всеми десятью пальцами развернула конфету. Не поворачивая головы, спросила Кузьмича:

— Петя, скажи, сробел перед главным-то?

— Как сказать, ведь первая авария была, — ответил Кузьмич, почесав затылок. — Тут не только сробеть можно...

— Кому нечего терять — тот не робеет! — вставил Костик.

— А я думал, прошибут свечки землю до Америки! Анекдотчику, надеялся, — Героя дадут! — ехидничал Вerezовский. — А я, может, медальку какую — рядом все же находился, под навесом. А Костик не сомневался уж: наверняка орден бы получил, поскольку еще ближе был к бурильщику... Вообще-то ему и теперь выгорит за егерские подвиги!

— Балаболка, о людях бы подумал! — с упреком сказала тетя Вера. — Хорошо, никого не зацепило...

Микуля всегда садилась так, чтобы видеть боковым зрением Надю. Сегодня она весь вечер молчала: задумчиво слушала музыку, рассеянным взором скользила по лицам бурильщиков, думала о чем-то своем, далеком и недоступном. Ее синие глаза подернулись легкой дымкой, как лесное озеро в раннее утро. Только чуткие тяжелые ресницы беспокойно взмахивали журавлиными крыльями. Микуль встревоженно поглядывал на нее, забыв про шахматы. Гриша недовольно ворчал, дожидаясь хода.

По радио передавали последние известия. В балке притихли, прислушиваясь к голосу диктора, куда вплетались надрывной стон дизелей на подъеме инструмента, тонкий визг лебедки, печальные вздохи помрачневшего бора и далекий прощальный крик первых перелетных птиц.

Потом, когда закончился выпуск известий, Костик искоса глянул на транзистор и с необычной для него угрюмостью скавал:

— Будь моя воля, я бы в Чили направил свечки, чтоб прямо на Пиночерта выскочили — уж тут бы он не отвертелся, за все бы расплатился!

— Он же, кровопивец, по сей день по земле ходит, — заволновалась тетя Вера. — Поганец... такой-сякой! — вернула она крепкое словечко. — Я газеты читать не могу, как увижу его дьявольскую кличку, сразу гитлерюгу вспоминаю. Мне семь лет тогда было, все помню. От папы даже карточки не осталось... Может, в лагере сгинул... мучили, терзали, ироды!..

Она схватилась за уголок платка и поспешно вышла из балки. Все молча чего-то ждали. Может быть, возвращения тети Веры. Но она не приходила.

Алексей Иванович отложил газету и проговорил, ни к кому не обращаясь:

— Приехал бы скорей Степан, что-то в тайгу тлнет.

— Да, с ним легче взять Жориного медведя, где-то недалеко обитает здесь, следы я видел.

— Ну, его за просто так не возьмешь...

— Запечного егеря нужно натравить, нам принесет шкуру, а себе — медвежий рога!

— Мы бы тут такой медвежий праздник устроили, как у ханты, — сказал необидчивый Костик. — Никогда не видел такого праздника!..

— Тебе только праздники подавай да деньги.— пробасил Гриша Резник, осторожно передвигая шахматную фигуру сильными, пропахшими железом пальцами.— А про работу и не вспоминай, а надо бы нажать — немного осталось на новую скважину уже тянет!

Микуль взглянул на него и подумал, что вот кому «не повредила» бы деньги — знал по рассказам, что у Гриши на шее мать с кучей братьев и сестер, в далеком городе Харькове живут. Вот кому больше всех надо помогать...

— Я вот привыкаю к одному месту, не хочется потом уезжать,— заговорил Кузьмич.— Хотя понимаю: ускорение, новая площадь, новые надежды... И все-таки каждая буровая хороша по-своему — привыкаешь. У каждой своя история. На следующей скважине уже не будет медведя, Жоры, Степана. Там все пойдет по другому кругу...

Наступила пауза, словно пришло время прощания с буровой, и каждый припоминал, чем же значительна была эта скважина в его личной жизни, что было хорошего и плохого, с кем подружился, а с кем рассорился. Да, каждая скважина — след в памяти.

Тишину нарушил Везовский:

— В тайге сейчас сыро, я люблю тепло!.. Вот поработаю малость и отгрохаю себе такой дом!..

— Прямо дворец! — встрял в разговор Костик.— Клумбы с цветочками, сад, гараж — словом, частник первого сорта!

— А хотя бы и дворец! У меня никогда не было своего дома, все по приютам таскался!

— Сирота, что ли?

— Вовсе нет. Отец нашел себе другую, а мать... — он вдруг густо покраснел, чего с ним не случилось ни разу, но врать не захотел или понял,

что поздно уже, поэтому сказал: — Мать... тоже нашла себе. Вот и стал я государственным воспитанником... Построю дом совсем новый, найду себе жену, какую-нибудь красавицу, чтобы народила мне потомков хороших...

И где ты хочешь отгрохать? Во Львове? — поинтересовался Кузьмич.

— Может, и во Львове, пока не знаю. Вообще-то не очень тянет туда, хотя там до черта хороших, просто апетитных полячек? Здешние не то!

— Еще бы, тут Сибирь! — забубнил Костик. — А я все гадал: зачем ты весь Союз объехал, каждый год отпускные на ветер пускал! Оказывается, ты площадку для своего дворца ищешь?! Теплое местечко, значит, высматриваешь?! Ну и ну, тоже помешался, выходит, на дворце-то. Сам же сейчас признался: любишь тепло.

— Да, только в холод люблю тепло! — примирительно сказал Верезовский. — Без холода тепло никакого значения не имеет.

— Давай в Ингу-Ягуи, лучшего места все равно не найдешь! — предложил Микულъ. — А там лес рядом, делай дом, какой тебе нравится.

— Ты, я смотрю, все языком строишь, — заметил Алексей Иванович. — Когда руками-то начнешь?

— Боюсь ошибиться. Вот ты, Алексей Иванович, на Севере работаешь двадцать лет, но я-то знаю, перерыв был. Уехал к себе на Кубань, а через год и городскую квартиру бросил, и машину. Вернулся в свою экспедицию. Чего там не хватало, ведь все было...

— Ну, я ведь охотник заядлый! И рыбак тоже... Может, из-за этого и вернулся...

— Ой ли, только ли из-за этого?!

— Мне, пожалуй, пора спать! — Алексей Иванович поднялся. — Будьте здоровы, хлопцы, заболтался я с вами.

— Всем старше сорока — марш спать! — шутили во главе Кузьмич.

Но таковых не оказалось, бурыйщик Кошкарлов ушел еще раньше.

— Расстроили мы нашу матушку с этим Пинночертом — таким-раз-таким! — вздохнула Кузьмич.

— Кто знал, что она примет все так близко к сердцу!

— На вид-то вон какая боевая — одно слово: тетя Вера!

— Говорят, у нее никого нет, совсем одна.

— Надо бы зайти к ней, успокоить...

Разошлись в двенадцатом часу.

На небе ни одной звездочки — облачно, поэтому ночь была особенно темной. Лампочки на буровой горели неровным желтым светом, размытым пеленой поднимающегося тумана. Буровая засыпала.

Миккуль вышел вместе с Надей. Рука ее была холодна, как снег.

— Что с тобой? — спросил он. — Ты как зима.

— Ты видел сумасшедшие звезды? Вот и я сегодня как сумасшедшая звезда. Хочется улететь куда-нибудь далеко-далеко на неизведанную планету или сгореть на лету. Только красивым ярким пламенем. Ты согласился бы сгореть вместе со мной, а?

— А зачем гореть-то, для чего?

— Да, ты бы, пожалуй, и не загорелся! — тихо засмеялась она. — Ты негорючий какой-то, тяжелый. Мне все кажется, что ты скоро убежишь в свою тайгу. Если убежишь — ничем уже не вытянуть. Из-за меня ведь не уходишь, правда? Ну, признайся?

— Не знаю,— тихо ответил он.— Пойдем лучше на выпивку, на небо!

— Сегодня нет звезд, нечего там делать,— сказала она и ласково добавила: — Или лучше спать, дурачок негнорючий, завтра рано вставать.

Микуль долго не уходил: ну и женщины — никогда не думал, что слово «дурачок» может быть таким ласковым и милым! Вроде что тут особенного, а вот поди ж ты!..

Подходя к своему балку, Микуль услышал негромкий разговор. В темноте ничего не видно. Потом сообразил, что около столовой, с полууденной стороны, стоит тесовая скамья, оттуда и доносился голос тети Веры:

— Когда все это кончится? До каких пор я буду твоим хвостом, ведь не девочка уже, а ты все тянешь, тянешь. Вот уеду, и ты меня больше не увидишь. Знаешь, слов на ветер не бросаю. Стыдно людям в глаза смотреть: бегаем, как дети...

— Через две недели решится, вот увидишь, все будет хорошо. Теперь дети подросли, раньше я не мог из-за них.

— А если она придет?

— Не бойся, не придет! Я-то хорошо ее знаю, получила то, что ей нужно было. Она с этим никогда не расстанется даже ради меня, не придет!

— Ты любишь ее?

— Не говори глупости.

Микуль опомнился и бесшумно выринул в свой балок. Теперь он понял, отчего тетя Вера, когда меняла постельное белье разведчикам, оставляла самые чистые и отутюженные простыни и наволочки только одному человеку — Алексею Ивановичу. Лежал Микуль на своей полке, сон к нему не шел. Надя!.. Странная девушка, зачем-то захотелось ей к звездам, будто на земле мало дел у человека.

А для звезд есть космонавты, пусть они и занимаются небесными делами. Странная девушка. Стоишь рядом с ней, и каждый раз голова идет кругом, словно от одуряющего запаха цветущей черемухи и таежных цветов и трав, то будто ослепило тебя оранжевым светом утренней зари, то будто оглушила тебя лесная песня. Хорошо рядом с ней, но и страшно: что делать ему, Микулю, когда не будет ее рядом? И от этой мысли становилось грустно и тревожно. Вот и у Алексея Ивановича, который немало всего повидал в своей жизни, тоже что-то не так, как должно быть. Видно, слишком крепко он полюбил этот край... Вот и жена не поехала сюда. Стоит ли жалеть? Ведь от здорового и крепкого дерева никогда не отвалится здоровый сук, а отвалится сук мертвый, с гнилью внутри. А о трухлявой, сгнившей ветке жалеть никто не будет, если отвалилась — так хоть дерево здоровее станет. А Алексей Иванович и тетя Вера чем-то напоминали Микулю дедушку с бабушкой, в детстве он одно время у них воспитывался. Потом, спустя многие годы, когда уже повзрослел, подивился тому, что дедушка с бабушкой никогда не ссорились, видно, жили, как говорится, душа в душу, понимали друг друга с полуслова. А может, и вовсе без слов обходились, будто читали про себя мысли другого: помнится, совсем мало разговаривали. Сразу после завтрака дедушка садился возле чуча, плел ли морду, мастерил ли нарту или обласок, поднимал с места его только бабушкин голос, которая негромко кричала:

«Икей, шай еньча юва!»¹

«Юым, юым!»² — отвечал дедушка, вставая и откладывая свою работу.

¹ Старик, чай пить иди!

² Иду, иду! (ханг.)

После обеда он снова брался за свое дело, и до вечернего чая они уже не встречались и не разговаривали. Хорошо, должно быть, если люди понимают тебя без слов, хорошо с такими людьми и жить, и работать.

А думы все шли одна за другой, казалось, конца им не будет. И Микуль еще раз убедился, насколько жизнь на буровой не похожа на жизнь ингушскую. Уже засыпая, он слышал, как Алексей Иванович осторожно пробирается в свою половину.

13.

Осень яростно ворвалась в тайгу: побила листву на осинах и березах, взъерошила желтые травы и блеклые кусты, заторопила перелетных птиц в теплые края, подгоняя не успевших подготовиться к зиме лесных зверей и нерасторопных людей.

Месяц суровый и беспощадный. Недаром в «календаре» охотника-ханты значится «Месяцем умирания листьев и трав»: многое умирает до весны, многое — навсегда.

Сохатые сменили свои «шубы», и олени «осеребрились»: солнце играло на их светлых боках. Наступает время брачных боев, скоро самцы начнут издавать голое. Все идет своим чередом.

Микулю казалось, что до первозимья он не выдержит: уж больно осенний лес его зовет, снится каждую ночь. Как быть?! Но тут подошли выходные дни, а лететь на бесшабашный «отдых» в поселок очень не хотелось, и Микуль с Алексеем Ивановичем и Костиком махнули на охоту.

В Степаново становые приехали в сумерках. Бревенчатая избушка — слепая, без окон на передней стене, с раскрытыми дверями — стояла на высоком берегу. За ней на страже застыли два лабаза на

курьих ножках: один бросался в глаза гордой белой стеной, другой — побит временем, серый, незаметный, с росточками зеленого мха на кровле. Слева от избышки навес, крытый берестой.

Два чумахих мальчугана возились с породистой лайкой. Они с детским любопытством кинулись к приезжим.

В избышке девочка лет одиннадцати укачивала младенца в деревянной люльке.

Сели на лежанку, ноги на полу.

— Я еще ни разу не ночевал в такой избышке! — объявил Костик. — Наверное, и сны особенные снятся, как в терему.

Ишь, барин сыскался! — удивился Алексей Иванович. — Привезли его, как министра, — всю дорогу спал. А теперь его накорми, спать уложи да еще и сон царский подавай!

Микულъ сначала наотрез отказался брать с собой Костика после его «подвига» на бору, но Алексей Иванович убедил его, что парня надо обучить таежному делу, чтобы глупостей больше не делал. Немного подумав, Микулъ согласился — охота на полузу должна пойти, а то обидно за него: родился и вырос в Сибири, на Оби, а в тайге как гость, ничего не знает...

Жена Степана, скуластая неулыбчивая женщина с жесткими жилистыми руками, молча приготовила ужин. На некрашеный стол желтого кедра поставила вместительную деревянную миску с дымящимся мясом и кружки с бульоном. Степан отыскал в изголовье связку ножей в костяных ножнах, положила возле стола и торжественно провозгласил:

— Кушай-те!

Началась неторопливая вечерняя трапеза. Хозяин хрипловатым голосом рассказывал лесную быль. Алексей Иванович слушал вполслуха. Он вспоминал,

как по-разному предлагали ему пищу. В войну, когда бродяжничал, с жалостью — иногда кусок становился поперек горла. Жена — равнодушно, теща — с сожалением, друзья — с нарочитой грубоватостью. На торжествах и нечеринках с преувеличенной любезностью. Каждый вкладывал в приглашение дополнительный смысл, только надо быть внимательным: одни подчеркивали свое превосходство и независимость, другие — широту души, третьи — свою значительность. Но вот как Степан — никогда. Он сумел вложить в одно слово все свое... нет, своего дома уважение к гостям. Пожалуй, «сумел» не то слово. Он и не старался «вкладывать» какой-то особый смысл. Это у него от природы, его естественное состояние...

Гостям постелили новые лосиные шкуры, пахнувшие осенью и прелой листвой, и сухими травами, и кедровой шишкой, и смолистыми буйными ветрами, обшарившими все укромные лесные закоулки.

Засыпали под шаловатые всхлипы и причитания северного ветерка. Он заигрывал с закопченным глиняным чувалом: на ночь хозяйка не закрывала трубу.

Утро выдалось солнечным и тихим.

— Долго спали, — сказал Степан, указав на солнечный лучик. — Солнце вон уж руку в окно просунуло, на улицу зовет.

— Чувал виноват — пел всю ночь, усыплял нас! — оправдывался Микуль, удивленный тем, что он, самый настоящий охотник, мог проспать такое утро. В тайге он такого за собой не наблюдал, значит, виновата буровая, привык просыпаться к началу работы.

— На охоту, что ли, сходил? — удивился Алексей Иванович, обнаружив на столе блюдо со свежим глухариным мясом.

— Да, утро больно хорошее было, тихое, с инеем. Тут недалеко песчаник есть, копалуху с глухарем подстрелил.

— Меня почему не разбудил, Степан? — вско-
чил Костик.

— Шибко хорошо спал, как разбудишь — жалко.

— Ты бы, Степан, не поднял его, — засмеялся
Алексей Иванович. — По части сна он у нас чем-
пион, первое место держит на буровой.

— И вовсе не первое! — запротестовал Ко-
стик. — Первое у Жоры было! — повернулся к Сте-
пану. — На лося идем сегодня?

— Сегодня нельзя.

— Почему?

— Так надо, — уклончиво ответил охотник. —
Сегодня рябчиков стрелять, уток стрелять, рыбу
ловить...

— А нельзя-то почему? — не унимался Костик.

— Чтобы у тебя дух нехороший выветрился, —
шепнул Степан, хитровато сощурившись.

— Какой еще дух?

— Буровой, машинный дух, к большому зверю
не подойдешь — далеко чует.

Ответ, кажется, вполне удовлетворил Костика.
На всякий случай поинтересовался:

— Завтра-то можно?

— Завтрашний день скажет — можно или не
можно.

— Ну, Костик, берданку в зубы — и метеором
по тайге, если хочешь увидеть живого лося! — по-
советовал Микуль. — На большой скорости машин-
ный дух быстрее выветрится.

— Одолжи у мальцов лайку на всякий слу-
чай! — со смехом поучал Алексей Иванович. — На
поводке и за пояс — вечером хоть домой приведет,
не то вертолет придется вызывать...

— В вас дух этот тоже сидит! — незлобно огрызнулся Костик, бросив быстрый взгляд на друзей. — Вам тоже выветриваться надо!

— Нам Степан какой-нибудь другой способ предложит, не так ли, Микуль?

— Дымом будем окуриваться! — поддакнул Микуль. — Особым дымом из пихтовой коры.

— Я тоже хочу окурения дымом! — не сдавался Костик.

— Ладно, все решит хозяин.

После завтрака Степан вручил Костику старую берданку и сказал:

— Только совхозных оленей, однако, Коска, больше не стреляй, такой грех не делай. — И с тяжким вздохом добавил: — Как пришли геологи, совхоз наш большую половину оленей потерял. — Помолчал Степан, потом повернулся к Микулю, тихо спросил: — Ты-то куда смотрел?

— Просмотрел, — в тон ему ответил Микуль. — Не думал — такое случится. Просмотрел — и моя вина.

— Я скоро совсем злой буду! — проговорил Степан, ни к кому не обращаясь, и будто точку поставил — об оленях больше не напоминал.

Днем каждый занялся своим делом. Микуль и Алексей Иванович чистили свои ружья. Степан сверлил полозья нарты, изредка поглядывая на безоблачное небо и таинственно молчал.

Только на следующий день охотник велел собираться в тайгу.

...Лось прихрамывал на левую переднюю ногу. Рога, о шести отростках каждый, стали вдруг помягше. Два дня назад он содрал с них бархатную кожу, и теперь они были еще сировато-красные, с бледной сукровицей. Эти дни лось провел в сум-

рачном ельнике: твердели рога — тяжелела голова. Весь он, начиная с могучей шеи, наливался бешеной силой, которая будоражила кровь и затмевала сознание. Он ждал. Ждал того мгновения, когда, накалившись до предела от неведомого томления, протрубит свою утробную, устрашающую песню любви и, низко опустив тяжкие точеные рога, выплывет на лесную поляну навстречу своему сопернику.

И тогда заговорят рога.

Рога! Сколько на них было надежды! А теперь рога задерживают бег, цепляются за стволы сосен. Надо перететь головой, чтобы пронести их в густом лесу. А боль все усиливается.

Капля крови тонула в бордовом брусничнике. Погоня не давала зализывать раны.

За деревьями мелькают охотники.

Тяжело, с присвистом дышал Алексей Иванович. На ходу скинул кепку и переложил двустволку в правую руку. Покосился на Микуля, подумал: «Бежит ничего». За ними хлопала голенищами сапог Костя. Он сопел носом и что-то бубнил. Видно, ругался. Все кусты и веточки норовили зацепить его, задержать, больно хлестнуть по лицу. Под ноги подворачивались пни, корявые сучья, замшелые валежины. Он размахивал Степановой малопушкой, как палкой, которая случайно оказалась в руке, и ему нелегко было избавиться от нее. Да она и правду не нужна пока: лес слишком густой — с релюба бесполезна.

Микуль оглянулся: далеко позади мелькала серая малица Степана.

Когда они рванулись за раненым лосем, Степан пытался удержать их. Но потом махнул рукой. Теперь же разрыв между лосем и тройкой заметно увеличился, а Степан все ближе и ближе, вроде нагнал немного.

Первым не выдержал Костик: скинул сапожищи и припустил босиком. Сначала ощутил необыкновенную легкость. Но под соеной разошлись шишки прожгли пятки — хоть ревя реви, хоть возвращайся за сапогами. Тут он запнулся и с ободранными ногами свалился под кустом. Здесь-то и настиг его Степан. Охотник молча бросил наземь Костины сапожищи и умчался дальше.

Вскоре отстал и Алексей Иванович.

В неширокой ложбине, заросшей кустарником, Степан и Микуль выстрелили почти одновременно. Сохатый споткнулся и упал.

— Жирный попался, — сказал Степан. — Раны первые жиром затянуло, далеко убежал.

— Теперь горе-охотников надо разыскивать, — вздохнул Микуль.

...На четвертый день Микуль и Костик на вертом облаке возвращались на буровую. Алексей Иванович остался еще на недельку поохотиться на глухарей.

Костик без умолку болтал: у него уйма впечатлений от охоты. Микуль же рассеянно слушал, скользя взглядом по берегам, оголенным сентябрем. Прошедшая охота оставила в душе неприятный осадок, будто бы не охотился совсем. Загнали раненого лося, пристрелили. Но больше всего смущали его неуспевшие затвердеть рога. Сколько надежды возлагал на них сохатый. И вот взяли его как бы «безоружного», беззащитного. Словом, нечестно поступили. Это еще более усиливало неудовлетворение.

Как профессиональный охотник, Микуль знал, что охота бывает хорошей или плохой, независимо от добычи. Помнится, во второй промысловый сезон ходил за соболями. Зверек попался необыкновенно шустрый и смывленный. Перескакивал с дерева на дерево угольно-черной молнией — аж резало в гла-

зах. Раз Микуль загнал соболя под косматое корневище старой валежины, расставил сети вокруг. Теперь надо выманить зверька из-под коряги. Это оказалось непростым делом. И только под вечер охотник обнаружил, что соболя оставил его в дураках: через дулистый ствол валежника выбрался наверх и был таков.

Микуль несколько дней гонялся за ним. Его поражала необыкновенная хитрость и изворотливость зверька: словно шло состязание, кто кого. Тогда они были почти на равных. Даже, пожалуй, старый соболя в чем-то превосходил малоопытного следопыта. Появился азарт, непреодолимое желание перехитрить Уголька — так называл он соболя, который обучал его промысловому делу, раскрывал многие секреты тайги. Именно с этой зимы он полюбил все, что давалось с трудом. Трудное приносило радость.

И сейчас, может быть, тянуло на буровую оттого, что там ничего легко не возьмешь. Теперь он охотился на нефть. Она скрывается в недрах земли и, наверное, как Уголек, хитрит, переползает с пласта на пласт. Она дороже Уголька, и ее не видно, поэтому и взять в тысячу раз сложнее, тут нужны знания.

Когда-то Степан сурово спросил: «Почему охоту бросил?» Сейчас Микуль не стал бы говорить о бущем, а ответил бы кратко: «Я такой же охотник, как и ты. Только ты охотишься на зверей и птиц, я — на нефть!» И, пожалуй, еще добавил бы: «Моя охота труднее!» И Степан бы все понял. Может быть, вчера он специально устроил легкую охоту для приезжих? «Или со мной что-то случилось: стал старше, что ли? Может, «буровой дух» в меня вселился?! Костику же охота понравилась...»

Неожиданно он поймал себя на том, что за эти дни соскучился по шуму дизелей, «седьмому

небу», по таинственно мерцающим огням вышки и веселым сборам у Кузьмича, по запаху солярки и теплого масла. Но не хотелось в этом признаваться себе: не могла же буровая так быстро «слозить» его, жителя тайги?! Потом стал оправдываться тем, что на буровой все-таки нужен хозяйский глаз таежника, настоящий друг зверей и птиц, лесов и болот. Что возьмешь с буровика, который не отличает оленя?! Иной, может, и понимает умом, что хорошо и что плохо, да руки делают свое дело, не слушаются. Тот же Коска — если бы у него патроны не кончились, он, может, все стадо перестрелял бы. А спроси: «Зачем?» — не знает...

Подумал еще: может, во всем виновата Надя. В Степановой избушке она сидела ему то в августовском лесу под соснами, то на мостках, вызывающе красивая, с родинками раствора на веселом лице, то на «седьмом небе» вышки в развевающейся на ветру красной косынке. Тоскливо сжалось сердце — Микуль проснулся и до утра не мог сомкнуть глаз. Без этой девушки жизнь казалась пустой и бессмысленной. Закопченная невзрачная вышка связала их в один узел. Теперь он хотел, чтобы узел не ослабевал и никто бы не выпал из связки...

Микуль налег на весла — за бортом вспенилась вода. Река смотрела на него безмолвно и сурово. На ники таежных слей опустилось солнце — кончилось Время Большой Охоты. И тайга снова замерла в ожидании восходящего солнца.

Из-за поворота выплыла буровая.

14.

В полдень шалый северный ветер крылатой лайкой погнался на ингу-ягуинское небо стада рваных облаков. Утихомирившись он лишь к ночи, когда плотно, бок в бок, уложил серебристые облака на ночевку.

А наутро, проснувшись, ахнули жители Ингу-Ягуна: зима пришла.

— Олымг цохт пйт! — говорили они вместо приветствия друг другу. — Первый снег выпал!

— Олымг цохт юхит! — отвечали встречные. — Первый снег пришел!

Заскрипели дверцы лабазов, захлопали крышки сундуков, вытаскивали охотники давно приготовленные ружья, легкие таежные малицы из неблюя¹, расшитые орнаментами кисы. Выкатывали из-под лабазов крепкие ездовые нарты для каслания в дальние боры и болота, расправляли упряжные ремни и плетеные кожаные арканы. Получит охотник две-три упряжки промхозных оленей и умчится в свои угодья, где испокон веков промышлял зверя и птицу его деды и прадеды.

Озабоченный Иван Филатыч, управляющий промохототделением, носился по селению, провожал охотников на промысел, давал последние советы и наставления. В суматохе он примчался к дому Микуля и лишь на крыльце опомнился, что хозяина нет дома. Украдкой оглянувшись, не видел ли кто, он поспешил прочь. Но, однако, ничего не скроешь от дотошных ингу-ягунских стариков, вечером в доме деда Кирила зацепили-таки Ивана Филатыча:

— Ты скажи, где наш Микуль, Иван Филатыч! Говорил, к первозимью, мол, придет. Пришел? — спрашивали ехидно старики. — Нешто мы без Микуля пушной план одолеем? Наш ПОХ² всегда первое место в районе держал!

— Где — на нефти! — примирительно сказал Иван Филатыч. — И у меня все же на душе покой-

¹ Неблюй — шкура оленя, снятая в августе, когда шерсть короткая (немцы).

² ПОХ — промыслово-охотничье хозяйство.

нее было, когда на одного охотника больше. И за уголья его не боялся, знала, в надежных руках, все в порядке будет, а теперь!..

— Ох, да ладно, нашел, о чем плакаться! — сбавили тон старички. — Да ты слыхал ли, кем на буровой-то стал он, наш Микуль? Неужто не слыхал? Да он же стал вторым... слышь, вторым помощником этого... землебуритель-то который...

— Бурильщик, — мрачно подсказал Иван Филатич.

— Во-во, вторым помощником бурильщика стал. Потом и первым будет, а там, глядишь, и самим бурильщиком станет! Никто еще из ближних селений таких высот на «железной работе» не достигал! — старики вскинули седые головы.

— Чего-то вы больно быстро другую песенку затынули! — усмехнулся Иван Филатич. — Помнится, весной вы совсем другое мне говорили!

— Это когда было! Сколько лун уже прошло?! А ты, Иван Филатич, раньше времени не умирай! — отвечали старики. — Поживем — увидим, как нам дальше быть! Что ни говори, у Микуля настоящее чутье охотника, черной тропой идет. Он раньше нас почуял, где теперь главная тропа жизни проходит. А что охотников не будет, так это ты напрасно. Эта горячая вода всех интересует, да не все рискнут пойти на нее. Молодые-то шибко интересовались рассказом Микуля, а ведь пока никто не ушел за ним. Она, нефть-то, кажется, медведя напоминает — каждому охотнику, особенно молодому, хочется пойти по его следу, да не каждый на это отважится.

— Жди, надейся, — проворчал Иван Филатич. — Придет время, и остальные потянутся за ним!

— Все-то охотники не уйдут! Тайга силой недюжинной обладает, оттого-то и выстояла века.

— Думаете, я против нефти? — осердился наконец Иван Филатыч. — Думаете, так я и не понимаю, что нефть — друг и помощник человека?! Да ведь в чем дело? Нефть-то рядом с охотником никак не уживется. Нет, нет, не уживется. Знаю, как будет: сначала вроде бы терпимо, а потом пойдут дороги, нефтепроводы, нефтепромыслы и много кое-чего другого. Погубят сначала наши игельные бора, промысловые угодья, реки и озера. Пойдут самозваные «охотники», которых и сейчас уже немало шастает по лесам. Подорвут запасы зверей и птиц. А боровая дичь сейчас уже пошла на убыль. Вот тогда мы с вами по-другому запоем! — Поднялся Иван Филатыч и, выходя из дому, вздохнул: — Эх, если бы все в согласии да в ладу!..

Помолчали старики, посипели трубками, затем дед Кирила неторопливо проговорил:

— Крепко Иван Филатыч понадеялся на возвращение Микуля. Понадеялся, да, видно, напрасно.

— У хорошего хозяина каждая мелочь в хозяйстве на счету, а об охотнике и разговора не может быть... — поддакнул сосед слева.

Посидели старики, выкурили еще по трубке, хозяин предложил по кружке чаю. Тянули крепкий охотничий напиток, разговор пошел о предстоящем сезоне, об урожае на зверя-птицу. Ходил разговор по далеким рекам и озерам, по дремучим урманам и толким болотам и снова вернулся к сошедшему с охотничьей тропы Микулю. И никак толком не могли решить старики, сошел он с охотничьей тропы или не сошел совсем. Верно, что белку-соболя он теперь не промышляет, но зато он промышляет не менее важного и нужного зверя, имя которому — нефть. И живет, по его рассказам, среди неплохих охотников на нефть. Он столько о них рассказывал, что теперь, пожалуй, каждый житель Ингу-Ягуна

знает и главного на буровой человека — мастера Кузьмича, который, словно вожак в упряжке, каким-то чутьем угадывает путь к нефти. Запомнился и землебуритель Алексей Иванович с добрыми улыбочивыми глазами, пришелся всем по душе и молодой нефтяной охотник Коска, который бредит только лосиными рогами; помнят и самого сильного человека буровой Гришу Резника, и длинного ехидного помбура Везезовского. А одного нефтяного охотника, Раковича, в Ингу-Ягуя Миккуль приводил. Приглаждались к нему жители, придирчиво рассматривали нефтяного человека, но в конце концов все вынуждены были признать, что он охотник нефтяной что надо — малоразговорчивый, как таежник, напрасно слов на ветер не пускает, степенный, неторопливый, такой хоть с медведем лоб в лоб столкнется, а не растеряется. Словом, серьезный охотник на нефть. А ингу-ягуцы всегда с немалым уважением относились к людям серьезным, потому как такой человек за пустое дело не возьмется и с полпути обратно не повернет. Может, и Миккуля тем отчасти оправдывали, что несподручно как-то настоящему охотнику не доводить начатое дело до конца. Найдет нефть, увидит ее своими глазами, тогда пусть и возвращается с добычей.

Пили старики чай, смодили обгорелые трубочки, до мельчайших деталей восстанавливали события прошедших лун, связанные с уходом Миккуля на поиски черной воды. А потом, хотя все уже знали, но поинтересовались у матери Миккуля:

— Что в последний приезд твой Миккуль-то говорил? На уме у него что?

— Что на уме?! Нефть! Вот что у него на уме! — ответила тетюшка Аина и нахмурилась, словно старики были виноваты в том, что ее сына заколдовала таинственная неведомая нефть. Помол-

чав, сказала еще: — Говорит, как только увижу эту нефть, потрогаю ее руками, так сразу и вернусь в Ингу-Ягун. Да что-то сердцу моему не верится, чтоб он скоро вернулся домой. Он ведь упрямец большой, пока не увидит, и вправду не вернется. С детства такой, что поделаешь. А если тут нету этой нефти, так и вовсе куда в дальние края может податься с людьми нефтяными, пока своего не добьется! — Вдохнула мать, поправила платок на голове горестно добавила: — Погубит его черная вода, погубит!.. В последний раз домой приехал, слышу, в сне бормочет, женское имя называет. Раньше ни когда сонный не разговаривал. Подумала, не только черная вода на буровой-то приворожила... Ох думаю, взяла его сердце какая-то железная или нефтяная женщина. В селении нет девушек с таким именем. На стороне корни пустит — совсем тропь охотничью забудет!..

— Лучше бы, конечно, ему здесь невест подыскать надо было, из охотничьего рода, — проговорил дед Кирилл. — Но ты, Анна, шибко не переживай, не пропадет твой Микულ. Весной чего боялся, знаешь? Я боялся, что уйдет к нефтяным людям и нос отворотит от своих сородичей. Есть такие. А он, Микул, не таким оказался. Нутро-то чистое, крепкое, без трухи и гнида. Такой где б корни ни пустил, свою тайгу, селение свое, люде своих не позабудет. Коль найдет нефть и вернется — хорошо, коль не вернется — так ведь земля нашей нужна и нефтяные охотники, что ни говори! а без них теперь никуда далеко не уедешь. Так думаю...

— Пусть будет так! — сказала женщина. — Твоя голова всегда правильный путь находит!

Старик согласно кивнул.

Немало луи прошло с того дня, как Микул

ушел из Ингу-Ягуна, но не сбылись пророчества старух: и комаров было не больше, чем в другие годы, и оленей в стадах не поразила копытка, и медведи, будто назло, не беспокоили их, и неожиданные заморозки не побили преждевременно листья и травы, и рыба в реках и озерах не перевелась вдвуд, и птицы перелетные не бросили гнездовья и не улетели до срока в теплые края. И Пай-ика¹, на что уж он является слугой и вещей птицей самого Нум Торума, не грозил бесконечными дождями и жестокими ветрами, обошел селение стороной. И теперь, в День Первого Снега, старухи поневоле вынуждены были признать, что сам Нум Торум, выходит, не против «железной работы», не против черной горючей воды, которую зовут нефть. А раз сам он не против, то вопрос уже обсуждению не подлежит. Значит, инкуда теперь от нефти не денешься, раз пришла она в тайгу из земных глубин.

Родился День Первого Снега, и в селении стало светлее. Сосны и кусты, вплотную подошедшие к окраине Ингу-Ягуна, на ветви-руки натянули рукавицы из камуса белого оленя, на макушки накиннули узорчатые капюшоны, расправили теплые малицы, расшитые тонкими орнаментами по опушке. По белым крышам бревенчатых домиков скакала белобокая сорока и стрекотала на все селение. Но стрекот ее не резал слух, а приглушенный первым снегом, мягко плавил по-над Ингу-Ягуном, словно мелодичная таежная песня.

Родился День Первого Снега, и на промысловую тропу вышло на одного охотника меньше. Но от этого не стало темнее в душах ингу-ягунов. Они знают: если человек в жизни идет верной тропой — его ждет впереди большая удача.

¹ Пай-и-ки — бог Неба, гром у ханты.

СТАРШОЙ

9 Захар 513

Шум двигателей усыплял Никиту Ларломкина, словно колыбельная песня. Такую музыку, кроме буровой, он нигде не слышал. И тотчас же просыпался, как только в этот голос влетались посторонние звуки, резавшие слух.

В эту ночь Никита проснулся от натужного рева дизелей — они работали на пределе. По звуку — подъем инструмента. «Обороты, обороты добавь!» — молил он дизелиста. Но тот не подходил: то ли задремал, то ли отлучился куда. И дизели, еще раз всхрапнув, заглохли.

Никита накинул телогрейку и выскочил в стужу декабрьской ночи, пожалев, что встал не сразу. Бросился под навес и запустил дизели. «Подниму инструмент, все равно теперь не уснуть», — подумал он и кивком головы указал помазку на электростанцию, освещавшую жилые бабки и вышку. Тот сонно и молча взялся за ветошь. А дизелист — «вот беда-беда!» — предпочитал пока не попадаться на глаза Никите.

Дизелисты немного побаивались и недолюбливали Ларломкина за угрюмый характер и излишнюю требовательность. Называли его просто Старшой, хотя по смуглому скуластому лицу не дашь более тридцати. А ему и было-то всего двадцать шесть лет.

Когда был поднят инструмент, на небе бледно занялась декабрьская заря. Никита так и не ушел спать — какой тут сон, если сегодня добуриваются последние метры. Бригада улетит на новую скважину, а он, старший дизелист Никита Ларломкин, останется здесь. Останется, чтобы не расставаться с дизелями. Можно, конечно, слетать на базу и вернуться с испытателями скважины. Но он не любит болтаться без дела. Такая уж судьба у старшего дизелиста — временный член любой буровой бригады.

куда дизели — туда и он. Прилетят монтажники, разберут вышку, чтобы перекинуть на новый участок. А Старшой всюду сопровождает свои дизели, отвечает за них головой, ведь буровая без них — просто мертвая вышка. И на эту работу ставят всегда людей надежных, с большой практикой.

На обед Никита пришел последним — задержался в дизельной. Повариха внонь, в который уже раз, пожарила его:

— Дались они тебе, Никитушка, машины эти — опять все остыло!

Никита виновато улыбулся: мол, в желудке все согреется.

— Расстанемся, значит, завтра, — сожалея повариха, грея мисками. — А женить тебя так и не успели — вон у нас какие коллекторши, невесты — что надо! Ведь ты со своими машинами так бобылем горячим и останешься. Попомни мои слова!.. На другой буровой кто тебя будет кормить, как я кормила?! Горе ты мое луковое!

Вздохнула повариха, подавая Старшому миску, которая была прикрыта крышкой и стояла отдельно, на углу горячей плиты. Вполуха слушая повариху, Никита молча обедал, уважительно думая: «Хорошо готовит — значит, любит свое дело, знает его!»

К нему подсел вошедший в столовую мастер:

— Ну что, Старшой, останешься в бригаде?! Я, брат, из тебя такого бурильщика сделаю — все рекорды будут твои! Станешь первым хантыйским бурмастером... Ну как?!

«Какой из меня бурильщик? — подумал Никита. — Хитрит, старик. Хитрит. Собака не тут зарыта...»

— У меня глаз... вижу, кто на что способен. Редко ошибаюсь! — продолжал мастер и, чуть по-

медлив, поддразнил Никиту.— Бурильщик — главный, на первом месте! А что твои дизеля — ты от них промаслился вон насквозь, просолярился, того и гляди, вспыхнешь ненароком!

— То — сердце буровой! — веско выговорил Никита, подумал: «Сам будто не знает».

— Так ведь сердцу нужна разумная голова, Старшой!

Никита пообедал и снова подался в дизельную:

— Чудак наш Старшой, — сказал мастер после его ухода. —хлопотно с дизелями-то, особенно зимой. Измаялся парень, не понимает своей выгоды...

— Мнитя мне: просто не хочет понимать, — подхватила повариха. — А так он всем мужикам мужик, только вот на баб не смотрит почему-то...

— А-а, в тихом омуте, сама знаешь, кто водится... — отмахнулся мастер, затем добавил: — А мне не помешал бы толковый механик.

На другой день буровиков сменили испытатели, затем прилетела бригада монтажников — начался демонтаж буровой.

Никита Ларломкин все эти дни занимался мелким ремонтом в своем хозяйстве — «подтягивал гайки и винтики». Был он доволен, что машины находились в хорошем состоянии, хотя немало поработали, что наконец он сделал заначку — собрал кой-какие запчасти, которых у него не было, и теперь мелкие и даже сложные поломки может устранить сам, что удачно пробурили эту скважину — почти на два месяца раньше срока выполнили план проходки, что стоит такая отличная погода...

По вечерам он долго не засыпал от непривычной тишины.

Во сне дизели жалобно, с отрывистым запоздалым стоном звали на помощь, и он вскакивал с постели среди ночи. Но, кроме завывания ветра за

окном и глухого шума тайги, ничего не было. Он лежал с открытыми глазами до тех пор, пока его не начинала убаюкивать тихая и нежная песня стальной упряжки. И утром он просыпался бодрым и веселым, с необыкновенной легкостью во всем теле.

Стояла странная зима: середина декабря, а настоящих сибирских морозов еще не было. Оттепели сменялись обильными снегопадами. Земля долго не твердела под снегом. Поутру на болотах из-под сугробов вырывался белесый пар. Окрута еще дышала, не омертвела вконец.

Утром, выйдя из бала, Никита чутьем коренного сибиряка понял, что зима повернулась другим боком: вот-вот ударит мороз. Снег стал серебристей, светлей. Суровый сальник замер в ожидании чего-то — не шелохнется ни одной иглой. Только беззаботный дятел звонко гремел на всю тайгу. На закате Никита убедился, что не ошибся. Как говорили охотники-ханты, солнце «надело варежки» — появились протуберанцы. «Пора уж, пора,— подумал Никита.— Какая зима без морозов?!»

Ночью его разбудили не дизели, а простуженный женский голос, до боли знакомый. Он никак не мог понять сначала: во сне это или наяву. Только подумал: «Она». И эта мысль на мгновение парализовала его. И потом, когда отпустило и он вдохнул воздух, все равно не решился взглянуть на нее. Придя в себя и окончательно проснувшись, он взял с протянутой руки лист бумаги. Он не прикоснулся к ее руке, но почувствовал, что она холодна. Пришла дурацкая мысль: «Нет варежки?»

Буквы долго прыгали перед глазами, и смысл написанного дошел до него не сразу. Это была радиограмма, подписанная начальником экспедиции: приказывалось срочно доставить дизели на сква-

жину Р-19. Подумал: «Почему она приехала?.. Кто она теперь?.. Кто дизеля запарол — Семенов? Коваленко?..»

Он знал, что эту скважину во что бы то стало должны сдать до новогоднего праздника — конец года, план, премии. «На орден жмет», — подумал Никита о начальнике. — Замучили со своими рекордами, только технику гробят!»

— Когда? — задал он ненужный вопрос, чтобы услышать ее голос и по интонации определить, как ему быть.

— Монтажники уже грузят, — сухо ответила она, выходя из балка.

В двери ворвался сизый клуб морозного пара.

Одеваясь, Никита все думал о ней. Прошло больше трех лет с той весны, как она ушла от него. Ушла и бесследно исчезла, как в воду канула. А жили вместе почти два года, вроде и ссорились — то редко. Правда, иногда упрекала: «Ты все о машинах думаешь» или: «Почему ты меня все зовешь Татьяна да Татьяна?» На такие, как ему казалось, мелочи он не обращал внимания...

Везли дизели на двух тракторах с саночными прицепами. Грунтовая, недавно проложенная дорога была в заносах и ухабинах. Тракторы, как черепахи, вгрызались в сугробы, буксовали, но все-таки тихонько ползли вперед. Никита сидел в кабине второго трактора рядом с водителем Венькой, мужичком неопределенного возраста с пухло-бледным лицом. Все его движения неуверенные, какие-то корявые, а фигура помятая, будто нет костей. Чем-то напоминал изношенный коленвал — мало толку, но и выбрасывать жалко.

Мысли снова вернулись к Татьяне. С каких пор она стала трактористкой? Была техником-геологом, училище кончила, а технику, помнится, не любила.

Где прожила она эти три года, чем занималась? Живет ли с кем-нибудь? Может быть, Венька — ее муж? Нет, не похоже. Она почти не изменилась. Только черты лица стали не по-женски жесткими и решительными да блеск глаз острее, колючее — верные признаки одинокой женщины. Вообще-то никогда не угадаешь, что пережила женщина и что у нее на уме...

Мороз все набирал силу: тракторы плавали в облаках серого тумана. Бока железной печурки в кабине малиново накалились. Венька торопливо швыряя в огонь короткие сосновые чурочки и поминутно одергивал полы затасканной шубенки. Но холод со всех щелей утепленной кабины протягивал свои руки.

— Трактор бы не накрылся, елки-палки, — бормотал Венька. — Накроется — капут нам, елки-палки...

«Видно, осердился не на шутку, хочет наверстать упущенное, — подумал Никита о морозе. — Пусть жарит, пусть!»

Поглубже нахлобучил шапку-ушанку, уселся поудобнее. Ему зябко не от холода, а от мысли, что рядом находится человек — то ли свой, то ли чужой, — который знает всю его подноготную. И хотя в его короткой биографии в двадцать шесть лет нет ничего предосудительного, он никогда не рассказывал о себе.

Ничего необыкновенного в его жизни не было. Вырос в глухой охотничьей деревушке, воспитывался у тетушки. Все началось с маленького подвесного моторика. Его привез из райцентра тетушкин муж. Детвора ни на шаг не отходила от хозяина, когда тот копался в моторе или запускал его. Однажды мотор забарахлил — не заводится да и только. Бензин идет, искра есть, а работать не хочет. Полдня

бились, собрали всех мало-мальски разбирающихся и совсем не разбирающихся в технике. Дело не сдвинулось с места. Наконец Никита глухо сообщил, что на свечке нет медного колечка, оттого-то и не заводится мотор. Не поверили охотники, но все же надели на свечу прокладку, навернули как следует. Дернули раз, другой — и запыхтел мотор. Тут решили старики, что лучше Никите быть не охотником, а «машинным человеком».

В четырнадцать лет он уже знал хорошо устройство всей «техники», бывшей в деревне, начиная с электростанции и кончая киноаппаратурой в клубе. Через год собрал свой первый двигатель из металлолома. Поработал он всего минуты две-три — разлетелся на куски. Но память оставил — рваный шрам на левой щеке.

Потом плавал капитаном-мотористом на местном катеришке, поскольку желающих работать на нем не находилось. Двигатель держался на честном слове: всевозможных пробок и затычек деревянных было больше, нежели металлических. Но Никита не унывал и ладил с этим мотором до той поры, пока не развалился деревянный корпус старого катеришки. Затем сейсмопартия, а позже пришел на буровую помощником дизелиста.

Декабрьский день короток, как первый шаг младенца. В третьем часу пополудни на тайгу надвинулись сумерки. Фары бледными лучами выхватывали стлывшие сугробы, продрогшие стволы и оледневшие лапы таежных елей.

Лес мертвел от холода. Ни зверей, ни птиц не слышно.

В потемках переезжали реку по бревенчатому накату, вмороженному в лед еще в ноябре. Когда головной трактор выбрался на другой берег, Венька тронул свою машину. Он чаще обычного переключ-

чал скорости, чтобы быстрее миновать опасный участок пути: бело-ледяная река угнетающе действует на человека особенно в жестокий холод, напоминающая теплое лето...

Почти у самого берега прицепные сани съехали с обледенелого наката.

— Стой! — зарычал Никита, схватив Веньку за плечо.

Звонко хрустнуло железо — опоздал. Лед затрещал, и сани медленно, как бы нехотя погрузились в реку. Когда Никита выскочил из кабины, все было кончено: из воды торчали цилиндры трех дизелей.

Течение играло свежесколотыми льдинками. Они звучно бились о серебристое железо двигателей.

Полынья выдохнула серое колючее облако.

В чаще гулко, как выстрелы в ночи, лопались от мороза сосновые сучья.

Вдруг стало жарко — Никита распахнул полушубок.

— Гони трактор на берег! — услышал Никита властный голос Татьяны.

Венька вздрогнул, чертыхнулся и бросился к машине.

Татьяна возле трактора осматривала обломки лопнувшего по отверстию прицепа. Зачем-то вытащила штырь, постучала по серье, будто проверяла на прочность.

— Усталостный излом, — неуверенно выдохнул из кабины Венька.

— А морозный не хочешь? — насмешливо спросила Татьяна. Венька захлопнул дверцу. Они остались вдвоем.

— Застегни шубу, простынешь, — сказала Татьяна таким голосом, словно только вчера расстались. — Пошли на берег!

Никита молча повиновался.

Втроем теперь сидели у костра и пили крутой кипяток. Тепло разморило — слипались глаза.

— Ну что, Венька, хочешь искупаться? — спросила Татьяна. — Давно ты купался?

— Ей-ей, у меня ангина!.. Может, сгонять на буровую, так я мигом!

— Сгоняешь ты мигом по такой дороге! Да и там мало охотников найдется...

— Эх, если бы не ангина да не сердце... — вздохнул Венька.

— У меня тоже, между прочим, имеется сердце. И печенка есть, которая не любит ледяную воду. Как быть?

— Кран бы сюда! — мечтательно протянул Венька.

— А костюм водолазный не хочешь?

— Пригодился бы, не отказался. А еще лучше — спиртику б! Эх, тряхнул бы стариной!

— Тогда бы любой дурак полез, а ты не вспомнил бы про свою ангину и сердце, верно?!

— В тайге дураки тоже на снегу не валяются, ценить их надо... Ей-богу, душа к косточкам пристыла!

— К пяткам, наверно, пристыла, а еще мужик!

Теперь, при свете костра, тьма стала густой и черной, как смоль. Никита покосился в сторону долины, и сердце тоскливо защемило, словно уже окунулся в ледяную воду. Дизели ни разу не подводили, и он ни разу не подводил их. Неужели теперь придется бросить?

Железо при жестких морозах становится хрупким и легко ломается. Человек выдерживает немного больше. Поэтому-то Никита любил сильные морозы: все хрупкое погибает или убирается в сторону, легче, свободнее дышится. Теперь он впервые чертыхнулся и на мороз, и на железо прицепа. С чем

приедет на Р-19 он, старший дизелист? С неполным комплектом дизелей? Бурить-то ведь невозможно... Черт с ними, рекордами и премиями,—его никогда это не соблазняло. Главное, буровая без дизеля — мертва. По ее стальным жилам нечем гонять живительный раствор, крутой кипяток, сжатый воздух, электрический ток. Нечем поднимать многотонный буровой инструмент. Никому это не под силу, кроме старшего дизелиста со своей стальной упряжкой. Проклятая река, просто так она не выпустит плененные дизели...

Между тем услышал гневный возглас Татьяны: «Сама ползу...» — и подумала, что все-таки она очень мало изменилась и, пожалуй, вправду ползет. Он хорошо знал ее характер.

Все эти годы Никита тешил себя тем, что встретится когда-нибудь. Как и при каких обстоятельствах — этого он не представлял. Оттого-то сегодня ночью долго не мог проснуться — думал, что это сон. Только вот почему они разговаривают между собой так, будто его здесь нет? Может быть, уже обращались к нему, а он, занятый своими мыслями, просто не слышал? А они разговаривают как люди близкие, давно знающие друг друга. Неужели все-таки муж?!.

Выросший в тайге, Никита знал, какие могут быть последствия от такого купания. И стоит ли рисковать? Но вскоре его сомнениям пришел конец: он услышал голос дизелей. Они звали его на помощь, звали жалобно, настойчиво. Никита снял рукавицы, заткнул уши: они все звали, звали, уверенные, что он услышит. Никита облегченно вздохнул — теперь не будешь хитрить с самим собой, не будешь искать уловок. Деваться некуда...

Стоя у черной ямы полыньи и обвязывая себя веревкой, Никита взглянул на Татьяну, жену, ко-

торая ушла от него три года назад. От холода она будто накалилась вся, но мороз не исказил ее лица, а сделал черты резкими, суровыми и милыми, словно вдруг слилась она с холодными снегами, декабрьским небом, с белой рекой, с гулким простуженным лесом, где отзывается малейший шорох. И, топчась у черной воды, Никите захотелось не ей, а чуткому лесу шепнуть: «Люблю». Ведь лесу ничего не стоит повторить, а он, Никита, ни разу не говорил Татьяне этого слова, все не было времени, да к тому же он стеснялся таких нежностей. Он покосился на Веньку — не украдет, не перехватит ли это слово? Но Венька с бормотанием носился вокруг полыньи, подтягивая стальной трос, и, видимо, был рад, что сыскался «дурак», который добровольно лезет в эту пучину. Ему было не до шепота ночного леса.

Завязав последний узел, Никита сообразил, что в воде-то ведь плюсовая температура, а наверху под пятьдесят. И он осторожно шагнул в тихо журчащую бездонь реки, внушая себе, что там теплее...

Когда он выбрался из воды, то сразу окутался сизым паром, будто загорелся вдруг. Непослушным, одеревеневшим языком выталкивал:

— Са...ни примм...ерзнут...вытт...

Венька бросился к трактору.

Татьяна схватила Никиту за руку — повела к костру. Ее рукав с каждым шагом все сильнее примерзал к оледеневшей телогрейке Никиты.

Мороз свирепел.

Но звезды сияли на небе приветливо и тепло.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Тюменская земля давно уже стала символом больших перемен. О людях Тюменщины, о преобразовании этой древней и такой молодой земли говорят с трибун съездов, ей посвящают свои произведения советские прозаики и поэты. Великие споры находят отклик в душе каждого советского человека. Молодежь едет на Север с горячим желанием — строить.

Геологи и промысловики настойчиво продвигаются в глубь нефтяного края. Коренное население Тюменского края с живым интересом следит за изысканиями переселенцев, которые происходят на их древней земле. И, как всюду, первой откликается на зов времени молодежь. Молодые ханты, манси, ненцы, делая нелегкий выбор, идут на буровые, осваивают профессию нефтяников. Однако их не покидает тревога за судьбу живой природы, среди которой они выросли. Понимая, какие блага сулит их родному краю освоение нефтяных месторождений, они вместе с тем пытаются решить для себя проблему: как совместить богатства тайги — родного дома охотника и рыбака — и богатства земных недр?

Автор этой книги, корреспондент Ханты-Мансийского окружного комитета по телевидению и радиовещанию, журналист Еремей Айпиш, — один из тех, кого проблемы взаимоотношения человека и природы волнуют как проблем личного плана. Иначе и не может быть, ибо он родился в семье охотника-ханты и стремление сохранить тайгу с ее богатства-

ми — суть его жизни, суть жизни его народа. Его рассказы, очерки, опубликованные в журналах «Октябрь», «Юность», «Сибирские огни», «Юный натуралист», побуждают к

статью.

Сам работавший на буровых и на строительстве железной дороги Тюмень — Сургут — Нижневартовск, молодой автор подводит читателя к выводу: надо научить видеть, понимать и ценить то драгоценное, что окружает человека Природу. Это процесс сложный, но необходимый, ибо богатства природы — на века и человек в соприкосновении с ней становится нравственно богаче и чище.

СОДЕРЖАНИЕ

В ОЖИДАНИИ ПЕРВОГО СНЕГА 5	
СТАРШОЙ (маленькая повесть) 129	